

Калдовские

Миры

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ДОНА АНТОНИО

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

Колдовские миры

Татьяна Богатырева

Загробная жизнь дона Антонио

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Богатырева Т. Ю.

Загробная жизнь дона Антонио / Т. Ю. Богатырева — «Эксмо»,
2016 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-699-88798-9

Слава капитана Генри Моргана гремит от Средиземноморья до Карибов. Но никто не знает, что самый удачливый пират семи морей – на самом деле девушка, дочь морского фейри и опальная наследница герцогства, сбежавшая из-под ненавистного венца и от костра инквизиции. Марине удастся отомстить, но на нее падает проклятье. Даже могущественная ведьма не в силах снять его, но она может дать подсказку: ищи феникса. Вот только кого найдет Марина? Ведь феникс – это страсть, наваждение, смерть и возрождение. И чтобы очиститься в его пламени, придется поверить в невозможное и рискнуть всем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88798-9

© Богатырева Т. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

История, рассказанная за кружкой верескового меда в таверне «Девять с половиной сосисок»	6
Часть первая. Фата Моргана	7
Глава 1, в которой рассказывается о маленькой девочке, силе и слабости	7
Глава 2, в которой благородный дон пытается героически погибнуть	11
Глава 3, в которой грозный пират растит орхидею в горшочке	15
Глава 4, где говорится о китайском мудреце Лао Цзы и правильном применении веревки	20
Глава 5, в которой дьявол не желает покупать душу	26
Глава 6, в которой сэр Генри Морган дурить изволят	30
Глава 7, где капеллан пытается изгнать беса, но не того и не оттуда	36
Глава 8, повествующая о черном коте, кружке молока и остывшей бадье	40
Глава 9, в которой Генри Морган наступает на хвост крысе и ввязывается в драку	44
Часть вторая. Санта Исабель де Ла Буэна Фортуна	49
Глава 10, которая начинается серенадой и продолжается в Гвадалквивире	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Богатырева, Евгения Соловьева

Загробная жизнь дона Антонио

© Богатырева Т. Ю., Соловьева Е. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

История, рассказанная за кружкой верескового меда в таверне «Девять с половиной сосисок»

Все таверны чем-то похожи друг на друга, и когда ты открываешь тяжелую дверь, становится неважно, какой на дворе век – двадцать первый или шестнадцатый – и что ты оставляешь позади – мир информационных технологий или мир не ушедших в свои холмы сидхе и ждущих на скалах сирен. Заходи в таверну, отведай ароматных, настоянных на вересковом меду историй, протяни руку к очагу и угости саламандру ломтиком ежевичного пирога, а белую собаку с красными ушами, что льнет к тебе и заглядывает в глаза, – жареной пороссячей ногой. Послушай старого валлийца Неда – у него всего один глаз, зато, говорят, этот глаз видел самого капитана Моргана и двух королей, Марию Кровавую и Изабеллу Кастильскую. Что, они жили в разное время и не подавали руки одноглазому пирату? Да ну. Еще скажи, что Одиссей выдумал сирен, чтобы оправдаться перед Пенелопой за недельный загул в ближайшем кабаке!

Оглянись: за окнами хлещет ливень и бьют молнии, разбиваются корабли и сердца. Самое время послушать одну из правдивых историй старого Неда, рассказанную нарочно для тебя. Историю о крови, смерти и любви, о тайнах и предательстве, о волшебстве и... Бери же кружку верескового эля, садись к огню и слушай рассказ об одной из последних дочерей дивного народа.

Часть первая. Фата Моргана

Глава 1, в которой рассказывается о маленькой девочке, силе и слабости

При крещении ей дали обыкновенное и скучное имя Морвенна Лавиния, леди Вудвилл. Старина же Нед, ее бессменный хранитель, пестун и наставник, звал ее Мариной. Морской. И были у него на то причины, уж поверь. Здесь, в Уэльсе, никому и в голову не приходило сомневаться, что дочку герцогу Торвайну подкинули фейри из холмов. В отличие от брата-двойняшки, истинного человека, равно похожего на отца и мать и ни капельки – на дивный народ.

Они росли вместе семь лет, не разлучаясь ни на миг, вместе учились грамоте и верховой езде, вместе ходили под парусом и слушали, как отец разбирает споры вассалов. Кухарки с конюхами не уставали шушукаться об удаче, посетившей герцогский род. Древний, почти угасший род. Говорят, если б не фейри из холмов, не было бы на свете и бабки нынешней герцогини, так что удачи досталось вдвойне...

Но не будем забегать вперед, впрочем, и назад тоже. Остановимся посерединке, аккурат сегодня. А сегодня, в день тридцать второй месяца мая года от Рождества Христова тысяча шестьсот... Ч-ш-ш! Молчи! Здесь, в старом Уэльсе, среди зеленых холмов, обязательно бывает тридцать второе мая. Пусть и не каждый год. Но в этом году, тысяча семьсот двадцать... забыл каком, этот день точно был. Потому что старый Нед помнит его, как будто тот случился вчера или случится завтра... Не перебивай, а слушай дальше.

В этот чудесный день, когда весна и лето встречаются и танцуют ночь напролет веселые танцы во славу старых богов, в замке Торвайн никто не веселился и не танцевал. Замок мрачно и покорно ждал нового владельца, англичанина. Уже второго англичанина за два десятка лет, но если первый – отец юной леди Марины – пришелся зеленым валлийским холмам по душе, то от этого не ждали ничего хорошего.

Прежде всего не ждала сама Марина. В ее четырнадцать лет и думать не хотелось о замужестве с чванливым, тщеславным и бесчестным чужаком, которому новая английская королева пожаловала герцогство вместе со всеми обитателями. Потому Марина с самого утра сидела у окна с книгой, жадно впитывая рассказ венецианского авантюриста о далеких землях и головокружительных приключениях.

Ты скажешь, что в тот век девицам на выданье подобало не читать книги, а молиться и вышивать? Что ж, благовоспитанным англичанкам книг и в самом деле не давали, потому как незачем женщине утомлять и без того невеликий ум. Но Марина была валлийкой, больше того – отец растил ее будущей герцогиней, полновластной хозяйкой обширных земель.

Он так же растил бы и сына, но мальчика забрало суровое валлийское море, оставив герцогу одну лишь дочь. О том, как это случилось и при чем тут фейри и морское счастье, старина Нед тоже расскажет, но в другой раз.

Впрочем, герцог горевал недолго, а если и долго – то никому этого не показывал, и дочь свою учил не выставлять слез напоказ, а держать свои земли и своих людей крепкой хозяйской рукой, словно норовистого скакуна. Ведь не зря говорят, что каков капитан, таков и улов.

Но оставим дни прошлые мертвецам и вернемся к дням нынешним. К леди Морвенне Лавинии Вудвилл, герцогине Торвайн, и ее досточтимой матушке, леди Элейн. Прямо в парадный зал, куда и явился младший сын захолустного барона, сэра Валентин, верной службой короне заслуживший свое собственное герцогство.

* * *

– ...супругой станет леди Элейн, дочь последнего законного герцога Торвайн, – разносилась под закопченными сводами старого замка резкий и гнусавый голос английского сэра Валентина. – А несчастный плод беззакония, Морвенна Лавиния, завтра же отправится в монастырь Святой Агнессы.

Марина так увлеклась разглядыванием столичного щеголя и его свиты, что не сразу поняла смысл его слов. То есть про монастырь она услышала, но вот что туда отправится она?! Она – плод беззакония?! Нет, этого не может быть! Объявить брак отца и матери недействительным, отправить ее в монастырь... Нет и нет!..

Матушка же говорила, что новой герцогиней станет она, Марина, и тогда они обе смогут спокойно жить в своем замке, ведь сэру Валентину нужен лишь титул и доход, ну и наследники, конечно. Потом. Когда Марина войдет в возраст. А он – что ж он делает? Что он такое говорит?!

Немыслимо хотелось оборвать высокопарную речь чужака, крикнуть на весь зал, что она никакой не плод беззакония, а Морвенна Лавиния Вудвилл, герцогиня Торвайн, единственная законная наследница своего отца, и это ее дом и ее люди! И чтобы все они подтвердили – и матушка, и сэры Гвинн и Уриен, и граф Арвель, и все-все, кто остался в Уэльсе защищать их, своих герцогинь.

Но все-все молчали. Склонили головы, не глядя на Марину, и молчали. Только матушка легко сжала ее руку и шепнула: «Тихо, Морвенна».

«Истинная леди никогда не спорит, дочь моя. Наша участь – подчиняться господину своему мужу и Ее Величеству королеве», – прозвучало в ушах Марины, хоть матушка и не произнесла этого вслух. Но она достаточно часто говорила это раньше, чтобы Марина накрепко запомнила. Только следовать заветам матушки она не собиралась. Она не такая. Она – дочь своего отца. И она скорее утопится, чем отправится в монастырь! А лучше утопит столичного щеголя, и пусть отец на том свете ею гордится!

Но что она может против целого отряда английских узурпаторов? Жизнью девушки до замужества распоряжаются ее родители, а матушка не заступится за дочь. Слишком привыкла молчать и терпеть, что бы ни происходило вокруг.

Столичный щеголь словно услышал эти мысли, глянул прямо на нее. В его взгляде не читалось ничего доброго. Холодный, жабий, даром что жабы не бывают такими белесыми. Пронизывающий насквозь. Захотелось отступить, спрятаться за верного и надежного Неда. Марина с трудом удержалась, чтобы не обернуться и не найти взглядом возвышающуюся над головами придворных и слуг рыжую макушку.

Нельзя.

Ни показать слабость, ни показать силу.

Англичанин, при всех своих кружевах и духах, не задумается ее убить, если заподозрит хоть малейшую возможность сопротивления. Если подумать здраво, то и монастырь для нее – милость, раз уж она не нужна ему как супруга. Непонятно, правда, почему. У матушки и здоровье слабое, и возраст уже... Правда, матушка красива. Очень. Марина совсем на нее не похожа: матушка статная, высокая, белокожая и черноволосая – редкая красавица. Таких на весь Уэльс одна, и во всей Англии похожей не сыщешь, не зря ж отец ее любил. Общего между матерью и дочерью – лишь белая кожа. Но к матушке загар не пристает, а вот Марина на солнце мигом становится медного цвета, и волосы совсем выгорают, до белизны. Это красиво, белые волосы. Отец говорил, что благородные дамы нарочно садятся на солнцепеке и развешивают волосы по полям шляпы, чтобы они выгорели и выбелились. Марина этого не видела, хоть и часто ездила вместе с отцом в столицу. Она даже научилась разбираться в столичных модах –

отец говорил, что это обязательно нужно знать благородным леди. Отец много чему ее научил, и в том числе терпеть и делать невинные глаза. Тоже обязательная наука для леди.

Марина и делала. Невинные глупые глазки провинциальной девочки, умеющей лишь вышивать и читать молитвы. Хотелось верить, что в замке не найдется никого, кто расскажет новому владельцу сказку о подкидыше фейри и правду об образованной леди, которую отец учил ездить верхом, различать породы лошадей и овец, владеть клинками и гроссбухами. Только не учил, что делать, когда ты одна и тебе всего четырнадцать, а с пришлым сэром целый отряд рыцарей и солдат. Наверное, и сам не знал. Отец умер вместе со своей королевой, на той же плахе. И теперь его дочь осталась одна.

Только плакать нельзя.

Сэр Валентин ее не пожалеет.

Никто сейчас не пожалеет – валлийским рыцарям не хочется на плаху вслед за своим герцогом. И ей не станет лучше, если они погибнут за нее.

Значит, монастырь?

Нет. Ни за что.

И топиться она не будет. Слишком это будет хороший подарок жабе Валентину.

Марина склонила голову под взглядом англичанина. Покорно, как подобает истинной леди. Прислушалась к шепоткам за спиной, в толпе слуг.

Ее жалели и оплакивали. Уже. И тихо радовались, что леди Элейн останется в замке. Все же она урожденная валлийка, а дети – что дети? Еще народаются, хоть и жаль юную леди. Но она не пропадет, подкидыши фейри не пропадают. Вот увидите, леди Марина еще вернется и покажет этому англичанину!..

Все это было тихо и немножко отчаянно, но приятно. Ее люди верят в нее. А значит – она и правда не пропадет. Она вернется домой, дайте срок! Так вернется, что белесая жаба ускачет в свое девонширское болото и даже квакнуть не посмеет! А если у матушки появятся дети... Ну что ж, Марина будет их любить. Фейри любят детей, истинные леди – тоже, а дочь герцога Джеффри с детьми не воюет.

Мысли о возвращении и вере поддерживали Марину весь остаток дня, пока камеристка собирала ей скудный сундучок в дорогу, а матушка давала последние наставления и плакала в кружевной платочек. Марине тоже хотелось плакать. Очень хотелось. Особенно когда матушка вынула из сундучка недочитанную книгу синьора Марко и, покачав головой, напомнила, что теперь Морвенне Лавинии подобает читать лишь богоугодные писания святых отцов. Быть может, когда-нибудь Морвенна станет аббатисой, ведь она – дочь герцога и достойна особенной доли. А пока следует быть послушной, строго следовать правилам монастыря и служением Господу заработать его милость.

Матушка, несомненно, была права. И если бы Марина собралась в монастырь, она бы, без сомнений, стала аббатисой. Но монастырю ее не видать. Хоть Марину и сразу после торжественной встречи сэра Валентина отправили в свою комнату, готовиться к отъезду, она успела пройтись по замку и услышать много интересного. К примеру, что монастырь Святой Агнессы славится суровостью и отличным воспитанием для дочерей непокорных подданных короны. Девы там становятся тихими, послушными и богобоязненными. И чтобы такая ценная для короны личность, как Морвенна Лавиния Вудвилл, случайно не проехала мимо монастыря, ее будут сопровождать сразу четверо английских рыцарей, безусловно, верных сэру Валентину и королеве. Именно в такой последовательности – что показалось Марине немаловажным. Впрочем, то, что ее признали ценной, тоже. Значит, в словах сэра Валентина о плоде беззакония было больше бахвальства, нежели правды, и брак отца и матушки вовсе не признан церковью недействительным.

Что хорошо. Будет. Потом. Когда она вернется домой. А она обязательно вернется и не будет лить слезы. Это просто с кухни луком пахнет.

Луком пахло нестерпимо, так что Марина щурилась и украдкой промокала глаза платочком. Даже когда матушка пожелала ей доброй ночи, поцеловала в лоб и ушла вниз, в парадный зал, ужинать вместе с будущим супругом, а в дверь тихонько постучался Нед.

Открыв дверь, Марина молча прислонилась к широкой груди, пахнувшей потом и железом, и бросила проклятый платочек на пол. Слезы полились рекой, дыхание прервалось и застряло в горле...

– Все будет хорошо, моя маленькая леди, – едва слышно пробасил Нед, подхватывая ее на руки и баюкая. – Все будет хорошо.

Не будет, хотелось сказать Марине, уже никогда не будет! Но голос не слушался, а слезы мешали дышать. Папы больше нет! А без него хорошо быть не может!..

Нед бормотал что-то успокоительное, гладил ее по волосам и качал на руках, как морской прибой. И голос его был похож на прибой. Так похож, что Марина уснула. Как-то сразу и незаметно, вовсе не думая спать. И проснулась ранним утром с четким пониманием: ее жизнь закончилась сегодня. И либо начнется новая, либо она умрет в монастыре Святой Агнессы, вдали от моря и родных зеленых холмов.

Глава 2, в которой благородный дон пытается героически погибнуть

Загробная жизнь благородного дона Антонио Гарсия Альвареса де Толедо-и-Бомонт, графа де ла Вега, началась около пяти часов пополудни десятого августа тысяча пятьсот... или тысяча шестьсот... не будем уточнять, года от Рождества Христова. С палящего солнца, радостно-деловитого ора по-английски и сладкой винной лужи под щекой. Странно, но боли он не чувствовал – вообще ничего не чувствовал, вместо привычных ощущений была легчайшая пустота! – хотя ясно помнил, как английский клинок задел по боку как раз перед тем, как что-то еще раз ударило его по голове и он умер.

«Каналья капитан, не поделился флорентийским трофейным, зря пропало». – Только он успел подумать какую-то чушь и скорее от растерянности попытался нащупать шпагу, как его за волосы грубо вздернули над палубой.

– Эй, Смолли, еще живой испа... – завопили позади надтреснутым басом.

Вопль оборвался на полуслове. Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и... не будем утомлять тебя, достойнейший читатель сих строк, перечислением всех имен благородного дона, а назовем его просто, по-семейному: его светлость граф де Ла... э... то есть Антонио. Даже Тоньо – как называл его в приступах нежности отец и как кликала его в детстве нянюшка. Так вот, Тоньо намного быстрее, чем читаются эти строки, пнул англичанина в колено крепким испанским каблуком. Пнул он даже прежде, чем успел сосчитать количество «голых дьяволов» вокруг. Их было презрительно, так что единственным разумным вариантом было бы притвориться покорным ягненком... Но этот вариант благородный дон не рассматривал в принципе. Как неблагородный, не достойный истинного идальго и не годный ни при жизни, ни тем более после смерти. Потому Тоньо попытался тут же обезоружить онемевшего от адской боли противника и рвануть... да хоть к ближайшему проклятому английскому пирату!

Увы.

То ли слава испанских сапог оказалась несколько преувеличена, то ли в матросы к каналье Моргану нанялся сам морской дьявол – не суть. А суть в том, что англичанин и не подумал выпустить волосы благородного дона – знатную, надо сказать, черную и вьющуюся по испанскому обычаю гриву, – и ни черта у благородного дона не вышло в смысле героически погибнуть – еще раз, уже окончательно, – прихватив на тот свет как можно больше врагов Испании. Вышло лишь заработать пинок тяжелой английской ногой пониже спины и совершенно неромантичный и негероический фонарь под глазом. Тяжелой английской рукой.

Тут бы нашему дону посетовать на некуртуазность английских пиратов и смириться перед тяжелой дланью судьбы, подвесившей его, как беспомощного кутенка, между жизнью земной и подобающим местом на том свете, но не тут-то было. Благородные доны так просто не сдаются!

Так что целых пять секунд дон потратил на обзаведение новыми синяками, а заодно надеждением синяками и ссадинами проклятых пиратов, раз уж ни на что более серьезное был сейчас не способен. Справедливости ради стоит отметить, что пиратам досталось больше, ибо лягаться твердыми каблуками куда сподручнее, нежели босыми пятками, а оружия пираты не применяли – не лишаться же столь редкого на безлюдных океанских просторах развлечения, как живой пленник!

Под ругательства как минимум на пяти языках благородного дона повалили лицом на немытую палубу – вот бы всыпал матросам горячих боцман «Санта-Маргариты», увидев эти затоптанные винно-красные пятна! – и связали руки крепкой ямайской веревкой. Происхождение ее опытный в торговых и такелажных делах дон определил по колючести, ведь, как

известно, ямайские веревки сродни ямайскому рому: самые крепкие и самые колючие на обоих океанах.

«Доска, рея? Или английские каналы придумают развлечение похлеще?» – думал Тоньо, вопреки звенящей в голове пустоте пытаюсь понять, где ж тут пороховой трюм и как до него добраться, и любясь сквозь дыру в борту фрегата розовеющими краями облаков и пенными бурунами, вскипающими за треугольными плавниками. От вида этой дыры рачительного боцмана «Санта-Мargarиты» хватил бы удар, но он, по счастью, из акульею брюха ее уже не видел.

– На доску испанскую сволочь! – поругавшись всласть и обменявшись по инерции парой пинков и зуботычин, пришли к единому мнению «голые дьяволы».

«Прими, Иисусе, мою душу и даруй самую горячую сковороду каналье Моргану вместе с...» – начал кроткую молитву Тоньо, готовясь отойти в мир иной и представляя, как красиво будет гореть сначала на море, а потом в аду весь пиратский бриг. Но тут приготовления к похоронам и фейерверку прервал глас не Божий, а вовсе даже человеческий:

– Стоять, якорь вам в корму!

Тоньо мысленно помянул морского дьявола: бриг и не думал гореть, а в голове по-прежнему была невыносимая легкость и бессмысленность бытия. Зато прямо перед глазами воздвиглись, иначе и не скажешь об этом монументальном сооружении, загорелые дочерна, грязные ноги, размером подходящие эфеланту, а не матросу.

Одна из ног пнула благородного дона в бок:

– Поднимите эту медузу и к капитану!

Кто-то из пиратов вполголоса возмутился: чиф отобрал у них законное развлечение! Но на него шикнули: мол, капитану Моргану виднее, как развлекаться команде.

Тоньо снова крайне некуртуазно, за волосы, вздернули над палубой, и он уперся взглядом в волосатую грудь эфеланта. Выше курчавых рыжих зарослей располагалась оскорбляющая взор божий рябая рожа, перекошенная багровым шрамом, а снизу джунгли терялись в драных холщовых подштанниках, перепоясанных платком изумрудного турецкого шелка. Глаз у старпома был только один, зато вращался и тарачился он за двоих.

Больше ничего интересного Тоньо рассмотреть не успел, если не считать досок палубы, куска моря и абордажных крюков, все еще скрепляющих поверженную гордость испанского флота, тридцатипушечную «Санта-Мargarиту», с английским бригам «Роза Кардиффа». Его проволокли по сходням, едва не уронив между бортами, и дотащили до группы размахивающих руками и орущих над грудой мешков пиратов.

– Сэр, еще один испанец! – крикнул старпом, заглушая гам.

Пираты расступились. Благородного дона толкнули в спину, так что он с размаху грохнулся на колени перед мальчишкой лет пятнадцати на вид. В отличие от пиратов мальчишка был одет, даже чисто и почти прилично: в полотняные штаны, чулки и туфли с пряжками, а сверху – в щегольскую батистовую рубашу и ультрамариновый бархатный дублет с золотым кантом. Волосы, заплетенные в обычную моряцкую косу, выгорели почти до белизны, а сам он был тонок и миловиден, как девица. Разве что выражение лица девице не подходило, никакой мягкости и нежности, пристойной слабому полу, одна лишь оружейная сталь.

«Странно для любимого капитанского юнга», – подумал Тоньо, ухмыляясь мальчишке в лицо: благородный дон не опустит голову ни перед кем, кроме Пресвятой Девы, а эта «дева» – явно не святая.

Краем глаза он успел заметить, что рядом так же – на коленях и связанные – стоят капитан «Санта-Мargarиты» дон Хосе Мария Родригес, два офицера и купец из Кордобы, всего неделю назад спасенный от братьев Моргана. А вот самого пиратского капитана видно не было. Доверяет пленников своей «донне»? Хам.

– Он сломал руку Смолли, капитан! – пробасил старпом позади, и только тут до Тоньо дошло, что этот мальчишка и есть гроза морей Генри Морган, продавший душу дьяволу

английский пират. Именно за ним «Санта-Мargarита» гонялась уже два года и вот – догнала на свою голову.

Мальчишка махнул старпому. То ли «заткнись», то ли «убирайся».

Протянул руку, коснулся пальцами лба Тоньо. Нахмурился, увидев кровь на руке.

– Вы – канонир «Санта-Мargarиты», благородный дон? – спросил по-испански, с легким акцентом.

Тоньо усмехнулся: вот теперь точно сэр пират придумает что-нибудь повеселее доски или рей – уж для того, кто чуть не потопил своими пушками чертову «Розу», грех не расщедриться. А все капитан Родригес, встряло же ему наемни выпороть сразу полдюжины матросов, причем всех – из ветеранов. В кости, видите ли, играли вместо надраивания палубы и вознесения вечерней молитвы. Мало того, пообещал то же каждому, кого застанет за азартными играми. Если б кто-то из предателей не ударил Тоньо по голове, едва он собрался поднести первый запал к мортире, черта с два бы пираты взяли «Санта-Мargarиту».

Родригес – *имбесиль*.

– Канонир, – ответил Тоньо, продолжая разглядывать пирата. Против заходящего солнца приходилось щуриться, но это не помешало отметить полное отсутствие побрякушек, столь любимых моряками – благородными и не очень. На самом Тоньо их было по крайней мере полдюжины, разумеется, до того, как они попались на глаза мародерам.

Пират расплылся в такой улыбке, будто получил роскошный подарок на именины. Да, пожалуй, именно так оно и было... Бросил поперх головы Тоньо:

– Дона канонира в мою каюту! Горячей воды, полотна, бренди, ужин. Живо! Этих, – мазнул взглядом по капитану и купцу, – в трюм.

Капитан Родригес поднял голову, до того покорно опущенную, и ожег Тоньо ненавидящим взглядом. В его глазах читалось: снова герцогскому выродку все на блюдечке, а мне – одни шишки!

Дважды *имбесиль*. У него хоть есть шанс дожить в трюме до Тортуги, Барбадоса или Ямайки – один черт знает, куда понесет Моргана. А за живого канонира «Мargarиты» англичане душу продадут, у кого она еще не продана. И не ради того, чтобы пожать ему руку и выразить восторг новой конструкцией орудий, потопивших не один десяток самонадеянных ублюдков. Чем «душевный разговор» с пиратом, лучше бы сразу смерть.

– Прежде чем заливать, Морган, надо бы отлить. Могу и в твоей каюте, на ковер. – Тоньо выдал все фамильное нахальство вкупе со школярским гонором. Будь на месте Моргана дон Хосе Мария Родригес, вместо бренди Тоньо получил бы пять дюймов стали в глотку.

Пират самым гнусным образом не оправдал надежд Тоньо на смерть от доброго клинка. Он рассмеялся. Не разразился зловещим хохотом, не растянул губы в мерзкой усмешке, а запрокинул голову и как-то совсем легко и звонко рассмеялся.

Кивнул тем, за спиной Тоньо:

– Сопроводите.

«Каналья», – подумал Тоньо и вскочил на ноги, отпихнув плечом пирата, собравшегося ему помочь.

Морган смотрел на все это с интересом. Снизу вверх. Мальчишка оказался Тоньо всего лишь до подбородка, а своему элфанту-старпому и вовсе дышал чуть не в пупок.

– Покорнейше благодарю, – сказал Тоньо самым издевательским тоном и зашагал к борту в полной уверенности, что пираты либо расступятся, либо он таки получит свой нож под ребра.

Расступились, канальи. Развлекаются! Сюда бы хоть одну мортиру с «Мargarиты»... «Господи Иисусе, пошли им искру в пороховой трюм, порадуя сердце раба твоего фейерверком!»

Сердце на миг замерло: «Ну услышь же мою молитву, Господи!»

Не услышал. Проклятые предатели, и как только додумались ударить по голове!..

За шаг до борта Тоньо небрежно бросил сопровождающему его пирату:

– Развяжи.

Пират развязал. Только не руки, каналья, а завязки штанов. И даже стащить помог.

– Палубу не мне мыть, – хмыкнул Тоньо. Не то чтобы он надеялся, что это послужит последней каплей и пират его убьет или хоть спихнет за борт. А скорее от чистого душевного порыва сделать крысам напоследок какую-нибудь мелкую гадость, раз крупная не получается.

Пират притворился глухим. А может, и правда был глухой? Даже ведь бровью не повел, лишив достойного дона маленькой радости! А заодно – сухих штанов. Ну и плевать. Их же капитану это нюхать в своей каюте. Ха. И если они думают, что он вроде дона Хосе Мария Родригеса, который по нижней палубе ходит, приложив к носу надушенный платочек, то сильно ошибаются. Чтобы лишиться присутствия духа студизуса, проучившегося шесть лет в университете славного города Саламанки на кафедрах алхимии и римского права, нужно что-то посущественнее мокрых подштанников.

Смутить пирата тоже не удалось – с той же каменной мордой натянул на пленника штаны и чуть не под руку отвел в капитанскую каюту. Даже пинка не отвесил напоследок. И дверь каюты не хлопнул! Пансион благородных девиц, черти бы его забрали наконец, вместе с этой невыносимой легкостью бытия!

Глава 3, в которой грозный пират растит орхидею в горшочке

Каюта Моргана была типичной капитанской каютой, что лишь усиливало ощущение нереальности происходящего. Сон. Загробная жизнь. Ведь не мог же на самом деле дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт, граф де ла Вега, попасть в плен к английской каналье Моргану! Значит – это всего лишь сон, и проснется Тоньо дома, в Саламанке, с тяжелой после вчерашней попойки головой, и не будет ни этих трех с лишним лет на флоте, ни пиратов, ни предателей, ни мальчишки Моргана. Или – сразу в аду, как и обещала ему маменька. Успел он нагрешить на ад или не успел?.. Ждет ли его там ненавистный братец, обрадуется ли встрече среди котлов?..

Да к чертям брата. Пока на ад не похоже, и слава тебе, Пресвятая Дева.

Мысленно перекрестившись, Тоньо принялся разглядывать каюту. Не сказать, что за годы морской службы Тоньо перевидал их сотню, но довольно, чтобы понять: дисциплина на пиратском бриге – на зависть регулярному испанскому флоту. Идеальная чистота, порядок и чуть ли не свежие цветы на столе. То есть в самом деле цветок. Белая орхидея в стеклянном горшочке, по какому-то капризу природы расцветшая в феврале. И, само собой, до черта карт по стенам, причем добрая половина – испанские. Трофейные, надо полагать, вряд ли Морган покупал их на базаре.

Но карты и цветы – это были мелочи, сущие мелочи. Главным была бадья ведер на двадцать посреди каюты, аккуратно между накрытым к ужину на две персоны столом и застеленной расписным шелком кроватью. Над бадьей поднимался парок, и пахло пресной водой. Вы только вдумайтесь, двадцать ведер пресной воды для купания сэра капитана, и это посреди океана! Вот где роскошь – столичным щеголям не понять.

К сожалению, забраться в бадью прямо в грязной одежде Тоньо не удалось. Пират усадил его в кресло возле накрытого стола и ушел, подмигнув от двери. А Тоньо – остался. У стола. Накрытого. Со связанными руками.

Каналья Морган! Так издеваться – это талант нужен. Природное призвание.

А к кракенам его. Как уже говорилось, благородные донны так просто не сдаются.

Чуток поерзав в кресле, Тоньо развалился поудобнее, хоть со связанными за спиной руками и было сложно изобразить позу «благородный дон отдыхать изволят», прикрыл глаза и... сам того не ожидая, уснул. Видимо, утомился-таки за полные сутки маневров и боя. Морская баталия – это вам не серенады под балконом петь. Даже не прекрасных донн портреты рисовать.

Эх! Где те донны, где те портреты...

То есть понятно где – на берегу остались, это Тоньо пришлось идти на флот, подальше от старшего брата и прочих неприятностей. Но об этом – потом. А сейчас благородный дон уснул и спал... а бог его знает сколько. Но чтобы увидеть во сне обожаемую Саламанку и прелестную донну Марию де лос Анхелес Инезилью Молину, ему хватило.

Ах, какой это был сладкий сон! Вот только досадно, скрип двери разбудил его в самый неподходящий момент, когда донна Анхелес уже упала ему в руки и готова была отдаться, но... кракена в глотку этому, этому...

Не успев открыть глаз и сообразить, где он, Тоньо сгруппировался, готовый выхватить шпагу и драться – или быстро-быстро бежать, смотря по обстоятельствам. И лишь через целую секунду вспомнил, сообразил, кто тут может скрипеть дверью, осознал все ту же невыносимую легкость и пустоту бытия... и смирился. Господь дал, Господь и вернет, когда будет нужно. А пока можно немножко насладиться подаренными Им часами жизни ли, смерти – не суть.

Тоньо расслабился, даром что штаны после сна были сильно тесны, а руки затекли. Лениво открыл глаза, зевнул.

На пороге стоял Морган.

Тот самый Морган, что снился ему битых два года, и все больше повешенным на рее бородатым битюгом вроде его чифа.

Шпагу бы! Да хоть завалящий ножик и свободные руки! А там можно и по доске, и на рею – за такое благое дело Пресвятая Дева сразу в рай запишет, и пусть братец скрипит зубами на чертовой сковородке в одиночестве.

– Прошу прощения за задержку, благородный дон... э-э-э-э?.. – Голос у Моргана был хриловатым и по-мальчишески высоким, словно ему лет пятнадцать, не более. Странно. Нескладно. Не может быть сэру Моргану пятнадцати, он уже года три как капитан. Но это же сон? Сон, определенно. А во сне может быть все, даже пятнадцатилетний капитан – гроза морей.

– Граф де да Вега, к вашим услугам, сэр Морган, – ухмыльнулся Тоньо, мол, триста каракатиц тебе в суп, а не мои услуги: за невыносимой легкостью бытия не получалось даже ненавидеть, хоть Тоньо и твердо знал, что ненавидеть англичан – его святой долг.

– Граф де да Вега, сын герцога Альба, – довольно кивнул мальчишка, словно бы не «Санта-Мargarита» гонялась за ним по морям и океанам, а он за «Санта-Мargarитой», и все ради Тоньо. Пройдя на середину каюты, Морган попробовал пальцем воду, обернулся к Тоньо. – А ваше имя?

– Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт. – Тоньо ухмыльнулся еще нахальнее и веселее: – Можно просто – ваша светлость.

Морган опять рассмеялся, легко и заразительно, словно они вот уже лет сто дружат. Каналья.

Тоньо заинтересованно поднял бровь:

– Над чем смеетесь, сэр Морган? Налейте и мне.

– Благородный дон Антонио, вы дадите слово чести, что не попытаетесь убить меня и сбежать, если я вас сейчас развяжу? Вам бы не помешало вымыться и перекусить...

– Мне бы еще не помешало отыметь симпатичную девицу, благородный сэр Морган. У вас тут случайно не завалялась? После боя, знаете ли, так хочется. – Вот тут Тоньо был совершенно искренен. Горячка боя такая, знаете ли, горячка! На столб в юбке бросаться начнешь. Да еще донна Анхелес пригрезилась.

– Горячая ванна тоже отлично снимает напряжение, дон Антонио, – улыбнулся пират, оценивающе оглядев его с головы до ног и, похоже, снова оставшись довольным.

– Какая досада, сэр Морган, а я уж понадеялся, что вы родня той самой фее Моргане. За каким чертом я вам сдался чистый и сытый?

Морган пожал плечами:

– Вы доблестный враг, дон Антонио, я мало таких видел. Мне бы хотелось провести вечер в приятной беседе. А может, и не один. К тому же, – он снова заулыбался, – вы ведь достаточно благоразумны, чтобы предпочесть удобный плен трюму, нет?

– Я ужасно благоразумен, сэр Морган, как вы уже заметили. – Тоньо сделал лицо как на утренней мессе и едва не рассмеялся, нарушив всю игру: уж очень все это было нереально, особенно его собственная уверенность в искренности Моргана. Потом вздохнул. – Ладно, от приятной беседы, особенно если к ней прилагается кальвадос из сундука капитана Родригеса, благородный дон не откажется никогда.

– Так вы даете слово чести? – переспросил настырный пират.

– Вы злопамятны, сэр Морган. – Тоньо улыбнулся со всем возможным очарованием. – Даю слово чести, что не попытаюсь бежать до завтрашнего рассвета. Для приятной беседы нам хватит.

Морган кивнул, открыл дверь и гаркнул:

– Эй, долейте бадью кипятком!

Пока несли кипяток, Морган еще раз осмотрел Тоньо с ног до головы, снова кивнул и вышел. На пару минут, не больше. Вернулся с ворохом одежды, сказал:

– Вам нужно будет переодеться, дон Антонио.

– С превеликим удовольствием, сэра Морган. Мой камзол вчера вышел из моды.

Одежду пират сбросил на кровать, а в его руках осталась плоская шкатулка. Из нее Морган вынул темный флакон в богатой оплетке. Даже сквозь дразнящие запахи жареного мяса и маринованных артишоков – между прочим, из личных запасов самого Тоньо – чувствовался тонкий сандаловый аромат.

– Индийское? Неплохо, – не скрывая зависти, пробормотал он. За флакончик раза в два меньше он несколько лет назад отдал стоимость приличного скакуна.

Уронив несколько капель драгоценного масла в воду, Морган убрал шкатулку с флаконом в шкафчик и, подойдя к креслу, ловко перерезал веревки. Тоньо мог бы поклясться, что здоровенный нож возник в его руке сам по себе и так же неведь как и куда исчез, едва надобность в нем отпала.

– Раздевайтесь, дон Антонио, – не то велел, не то попросил Морган.

Тоньо не заставил себя упрашивать. Разделся донага и, не подумав стесняться возбуждения, сбросил грязные тряпки на пол и влез в бадью.

Райское наслаждение! Ну, не считая того, что вода попала в порез на боку и в еще несколько ссадин и ранок. И вообще он как-то внезапно почувствовал, что устал, избит и голоден, как собака, и никакой прекрасной донны ему сейчас не светит – даже завалящей служанки, и той на «Розе Кардиффа» не сыщешь. Но это все было неважно. Вода! Горячая, пресная, лишь самую малость подсоленная!

Спасибо тебе, Пресвятая Дева Мария!

– А меня вы поблагодарить не хотите, дон Антонио? – Пират наблюдал за ним с выражением, которое определению не поддавалось.

Тоньо поднял бровь и спросил тоном пастыря с той же утренней мессы:

– Что такое благодарность человеческая перед ликом Божиим, сэра Морган? А сейчас ангелы смотрят с небес и радуются вашей несказанной доброте и милосердию. Вам зачтется, не сомневайтесь.

Морган против ожидания промолчал. Только что глаза потемнели. Не то от злости, не то... о, черт.

Похоже, не только благородным доннам после боя хочется всякого разного. А Морган, говорят, уже года два не сходил на берег. По крайней мере, «Санта-Маргарита» и весь прочий испанский флот всячески о том заботились.

К тому же благородный граф де ла Вега – если верить придворным льстецам – самый красивый мужчина Испании. Да даже если верить не льстецам, а лишь зеркалу и доннам – все равно самый красивый мужчина Испании. Ну, разве что папа, герцог Альба, не хуже. Выдержанное вино, и все такое.

Грех даже думать о том, почему Морган смотрит на него с таким странным выражением! Но...

Но этот его взгляд будоражит не хуже клинка у горла, и эта его улыбка, почти девичья...

Сон и наваждение!

Поймав взгляд Моргана, Тоньо слегка потянулся и усмехнулся. Не то что дразнил, но... а черт знает, зачем.

Глаза пирата потемнели еще. Он подошел ближе и, ничуть не смущаясь, стал Тоньо рассматривать. Потом зачерпнул мыла из кувшина, склонился и начал мыло по Тоньо растирать. Это было хорошо. Нет, не то слово – хорошо. Изумительно. Вот именно то самое, чего не

хватало для полноты счастья вдобавок к горячей воде и сандаловому маслу. У пирата были на удивление маленькие и тонкие руки, совсем девичьи, и касался нежно – если забыть про мозоли от клинка, легко было поверить, что его моет донна Анхелес... Нет, сейчас было даже лучше и уж точно острее. Похоже, смерть – отличная приправа.

Откинув голову, Тоньо закрыл глаза и позволил Моргану исполнять обязанности горничной. В особенно удачные моменты даже постанывал и фырчал от удовольствия. А заодно – чтобы подразнить Моргана. Безрассудно? Опасно? Тем лучше! Все равно терять уже нечего, а в такие игры Тоньо никогда не играл. Честно говоря, и пробовать не хотелось, ему и без того хватало развлечений – да и святая инквизиция за такие развлечения грозила костром. Ну так почему бы сейчас, в короткий миг между жизнью и смертью, не откусить напоследок малую толику запретного плода? Совсем малую!

– Вы так явно наслаждаетесь, – протянул пират у самого уха. – Я даже завидую.

Тоньо тихонько засмеялся, сообразив, что ему только что сказали. Морган, проклятый Морган, завидует мертвецу!

«Ну так завидуй. И запоминай, черт тебя раздери! Это твой последний вечер. Я, дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт, тебе обещаю!»

А Морган ткнулся носом ему в шею, сзади, и, почти прижимаясь губами к коже, тихо и хрипло сказал:

– Ты так пахнешь... Тоньо...

На миг показалось, что вместо Моргана позади него оказалась девица. Голос, запах, дыхание... Наваждение! И от этого наваждения бедра свело судорогой.

Проклятие! Как смеет пират казаться благородной девицей? И какого черта его собственное тело реагирует на мальчишку, как на девицу?!

Тоньо протянул руку назад, схватил Моргана за волосы, чуть обернулся и встретился с ним взглядом. Глаза у пирата были шальные, будто вот прямо сейчас – на абордаж.

– Ты об этом хотел побеседовать, сэра Морган?

– Нет. – Морган улыбнулся.

– Какая досада... – сказал Тоньо хрипло-мягко, как бархатной лапой со спрятанными когтями погладил.

Мальчишка опустил ресницы. Светлые, как и волосы, зато длинные и пушистые, на зависть доннам. И улыбнулся:

– Да, понимаю, после боя... Однако нас ждет ужин, Антонио... вы же позволите звать вас просто по имени?

– О, у меня есть шанс что-то вам не позволить, мой гостеприимный хозяин? – рассмеялся Тоньо.

– Ну я же не буду к чему-то принуждать моего благородного гостя, – ответил Морган ему в тон.

– В этом месте должны звучать сарабанда, виолы и гобой, – прикрыв глаза, сказал Тоньо. – А потом – сольная ария благородного пирата, на авансцене. Прим-тенор. Сэр Морган, у вас тенор?

– Очевидно, альт, дон Антонио.

– Альтино, – поправил Тоньо. – В самый раз для ужасно юного, но уже безумно благородного героя.

– Меня трудно назвать благородным героем. – Морган отступил на шаг.

– А мне достанется речитатив и ариозо Злодея, – не слушая возражений, продолжил Тоньо. – Бас, пурпурный плащ, зловещий грим...

– Выбирайтесь, Антонио. – Пират отступил еще на шаг. – Ужин остывает.

– О, ужин!

Тоньо резко вскочил, разбрызгав воду и облив Моргана. Тот от неожиданности плюхнулся на ковер и засмеялся. А Тоньо, приняв величественную позу, пропел – басом, как обещал, – на мотив популярной любовной арии: «Ужин, о прекрасный ужин, я так ждал тебя, приди же в мои объятия!»

Под смех публики он раскланялся во все стороны, поймал воображаемый букет, понюхал его, скривился и отбросил в Моргана. Вышагнул из бадьи, вытянул из кучи тряпок штаны, начал надевать.

Не вставая с ковра, Морган смотрел на него потемневшими почти до черноты глазами.

Потом шепнул:

– Антонио, ты...

– Если ты будешь так на меня смотреть, Морган, я тебя перепутаю с девицей, – оборвал его Тоньо совсем обыденным тоном и повернулся строго в профиль, чтобы пират уж никак не упустил выдающегося зрелища. Смесь ненависти, опасности, веселья и чистого незамутненного телесного удовольствия действовала безотказно.

– Попробуешь – убью, – хрипло прошептал Морган; он дышал тяжело и неровно, похоже, на него тоже действовало безотказно, только что-то свое. – Давай ужинать...

– Ой, напугал кролика терновым кустом, – усмехнулся Тоньо. И, поймав недоуменный взгляд пирата, пояснил: – Я и так уже мертв, Морган.

– О нет. Ты жив. Пойдем к столу. – Морган так и не сводил с него глаз.

– Морган, вставай. – Тоньо потянул его за руку, поднял с пола...

Случайно так вышло или нет, но Морган оказался совсем близко, почти кожа к коже... да черт с ним, с батистом, все равно – близко, жарко. Совсем не похоже на смерть. И сердце у Моргана стучало сумасшедшими кастаньетами.

Мальчишка.

Даже убивать жалко.

А до рассвета еще чертовски долго. Целая жизнь.

К черту. До рассвета можно ни о чем не думать. Слово чести – такая удобная штука!

Морган опомнился. Сказал почти ровно, не сбивая дыхания:

– Ну же, гость, идем к столу. Не оскорбляй моего кока.

Тоньо рассмеялся:

– Оскорбить кока? Никогда! Это мясо пахнет просто божественно!

Потом они ели и беседовали, как старинные друзья. О погоде, видах на урожай, особенностях английского и испанского такелажа и прочих ужасно важных и интересных вещах. Целых три перемены блюд, глядя друг другу в глаза. И Тоньо все яснее понимал, что не хочет умирать один. Впрочем, и умирать хотелось все меньше, даром что его жизнь закончилась вот уже три часа как.

Глава 4, где говорится о китайском мудреце Лао Цзы и правильном применении веревки

К тому моменту, как вышколенный стюард – диво дивное для пиратской посуды, но удивляться Тоньо уже устал, – принес свежие фрукты на десерт, Морган успел рассказать десяток завиральных историй из жизни джентльменов удачи, а Тоньо – половину трехлетней давности сплетен родом из Саламанки с Севильей, а на закуску – парочку анекдотов о студиозусах, к коим имел честь принадлежать аж целых шесть лет. Пожалуй, кафедры права и алхимии в университете Саламанки были его самым лучшим воспоминанием, и если бы сейчас ему предложили прожить жизнь заново – это он бы повторил. Правда, двадцати четырех лет никто не предлагал, всего лишь несколько часов, но их Тоньо намеревался прожить с максимальным удовольствием. И успеть все, что только можно успеть за одну ночь. Сон сюда не входил.

Судя по взглядам Моргана, в его планы сон тоже не вписывался. А вот задушевная беседа – очень даже. Потому что, едва дослушав бородатый анекдот о школяре, трактирщице и падре, он спросил:

– Антонио, почему граф де ла Вега – всего лишь канонир, а не капитан? На первый взгляд не слишком почетная должность для столь родовитого дворянина.

Такой прямоты Тоньо не ожидал. Все еще. Быть может, потому что среди благородных донов не принято спрашивать о столь личном и скорее всего неприятном, а Морган сейчас вел себя так, что легче легкого было забыть, что он – пират, а Тоньо – его пленник.

Следовало бы возмутиться, сказать, что это не его дело, тем более что это в самом деле не его дело, но... смысл? Портить вечер? Или путать честь со спесью, как некоторые? Да ну. Последние часы можно потратить с большим толком.

– Я предпочитаю быть лучшим на обоих океанах канониром, нежели дерьмовым капитаном, Морган. К тому же, когда я поступал на флотскую службу, я не был графом де ла Вега. Титул принадлежал моему старшему брату...

«...которому спесь успешно заменяла честь», – добавил про себя и замолк, взялся за нарезанный дольками красный сицилийский апельсин. Дивно вкусный и сочный. Но Морган не считал нужным сдерживать любопытство:

– Семейная традиция? Младший сын должен стать военным? Или здесь что-то иное?

– Иное. – Тоньо дернул углом рта: вспоминать о брате было неприятно, а о причине, по которой он, человек сугубо мирный и светский, оказался на службе, и подавно. – У меня был прекрасный выбор, Морган. Или флот, или большое недоразумение с инквизицией. Как видишь, я выбрал флот. Всегда любил артиллерию, к тому же... – он пожал плечами и продолжил: – Мой драгоценный брат ненавидел море, а значит, шансов встретиться с ним здесь было меньше всего, что несказанно меня радовало.

«Настолько, что о своей ненависти к морю я почти забыл, а пушки почти примирили меня с войной».

Морган задумчиво кивнул:

– Понимаю, Антонио, – и улыбнулся. – Сложно представить вас придворным, но канонир вы, милостью неба, прекрасный.

«Еще бы, – подумал Тоньо. – Истинный Альба и огонь – всегда прекрасное сочетание. Ты даже не представляешь, Морган, насколько прекрасное! Если б чертов матрос не ударил меня по голове, ты бы восхищался со дна морского, как и все, кто посмел приблизиться к «Санта-Маргарите» на расстояние выстрела».

– Отчего же сложно? – спросил он вслух. – Придворная жизнь бывает очень веселой. Почти как жизнь птичника. – Он скроил надутую-спесивую физиономию и курлыкнул по-индюшачьи.

Морган моргнул от удивления. Расхохотался.

– Вы неподражаемы, дон! – От смеха Морган даже уронил четки, которые с начала беседы вертел в руках. Не на пол, правда, на колени. Странные, нехристианские четки: длинные, без креста, мерцающие всеми оттенками зеленого. – Турецкие, – объяснил он, проследив взгляд Тоньо. – Принадлежали одному из их офицеров. Приносят удачу!

– Если удачей считать встречу с самим Морганом... – хмыкнул Тоньо. – Что-то мне подсказывает, что турок думал иначе. Не люблю турок, они чересчур бешеные и жадные даже для пиратов.

– Совершенно согласен, – улыбнулся Морган. И, понизив голос, добавил: – Но, дон Антонио, разве наша встреча для вас так уж отвратительна? Мне казалось, подобную беседу можно считать удачей.

– Как сказал мудрейший Лао Цзы, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. – Протянув руку, Тоньо качнул свисающие из ладони Моргана четки и продолжил ему в тон: – Но мне больше нравится другое изречение, вырезанное на столе в одной из таверн Саламанки, видимо, для лучшего усвоения студиязусами: когда удача поворачивается к тебе лицом, помни, что кто-то сейчас созерцает ее зад.

Морган тихонько фыркнул:

– Какая мудрая мысль, дон Антонио...

– Увы, не моя. Но с другой стороны, иной зад куда привлекательнее лика. Вот, допустим, стрелять в корму брига куда удобнее, чем в нос. Вы не находите, сэр Морган?

– О, я полностью доверяю в этом вопросе канониру! И, надо полагать, галантному кавалеру.

– Все бы капитаны были столь мудры, – вздохнул Тоньо. Грешно злиться на *имбесиль*, но если из-за *имбесиль* ты сдохнешь на рее, то можно. Господь не ждет от простого канонира святого всепрощения. – А что вы собираетесь делать с доном Родригесом?

Морган удивленно пожал плечами:

– Посмотрю, не пожелают ли его выкупить, конечно.

– Королева не пожелает, а богатой родни у него нет. Зато есть один человек, который наверняка выложит за него круглую сумму.

Морган поощрительно кивнул:

– Я весь внимание.

Налив себе полбокала флорентийского, того самого, трофейного, Тоньо назвал имя и добавил:

– Сдается мне, вы достаточно удачливы, чтобы оказаться на Тортуге одновременно с «Арабеллой».

Морган снова тихонько фыркнул:

– Интересная мысль, дон Антонио. Возможно, я и последую вашему совету.

Тоньо молча поднял бокал: памяти Хосе Марии Родригеса, благородного идальго, тоже путавшего честь со спесью.

Морган последовал его примеру. Отпил совсем немного – так, губы омочил. Тоньо в который раз отметил, что и тут Морган ведет себя странно. За весь ужин он выпил едва ли бокал вина, словно и не моряк.

– Вы рассматриваете меня, Антонио, – улыбнулся пират одними губами. – Что вас так заинтриговало?

– Вы не похожи на пирата. Впрочем, на капитана корабля вы похожи еще меньше. Тем не менее команда ходит по струнке и явно вас любит. Это весьма любопытное явление. Кроме того, вы бессовестно красивы, Морган. В отличие от всех прочих виденных мною англичан. Честно говоря, до сих пор я был уверен, что Британия – родина белесых уродов.

– Не оскорбляйте мою родину, – рассмеялся Морган. – В конце концов, моя королева – наполовину испанка. Однако, – он опустил ресницы, словно в замешательстве, – вы действительно считаете, что я красив? Это... необыкновенно приятно слышать.

– Судя по вашей каюте, Морган, вы разбираетесь в восточном оружии... – Тоньо встал, снял со стены легкую саблю, на вид совсем простую, но лучшую во всей коллекции. Провел пальцем по плоскости клинка, словно ласкал женщину. – Ты похож на нее, Морган. Смертельная красота. – Он глянул пирату в глаза, перехватил саблю как для удара, сделал пару взмахов. – И голос похож. Мне нравится, как она поет. Завораживает.

Пират опустил голову. Выбившаяся из косы прядь спрятала лицо, а сама коса, на диво толстая и длинная, открыла совсем тонкую шею. Словно нарочно, под удар.

Или – поцелуй.

«Пресвятая Дева, убереги меня от искушения, – подумал Тоньо, невольно восхищаясь канальей. – Ведь не боится, даже ресницы не дрогнули, когда я взял саблю. То ли безоговорочно верит в слово дона, то ли надеется на удачу... или, быть может, на дьявола? Говорят, Морган продал душу дьяволу, и тот всегда стоит за его левым плечом. Нашептывает. А то и сам говорит его устами».

Сабля отправилась обратно на стену. Слово чести – иногда очень неудобная штука. Вроде не жмет, не давит, но держит лучше любой цепи.

Недопитое флорентийское так и стояло на столе. Вот искушение, которому самое время поддаться и не думать о том, как это было бы – плавать с капитаном, который ловит и выпитывает каждое слово, сморит на тебя с восторгом и не ищет любого повода, чтобы тебя унижить перед командой, ведь если вспылишь – у него будет отличный повод посадить тебя в трюм, а потом отдать на суд святой инквизиции.

До рассвета все еще оставалась целая жизнь, а в бутылке – до дьявола флорентийского, когда Морган поднял голову и внезапно охрипшим голосом позвал:

– Тоньо, поклянись, что никому и никогда не расскажешь о... обо всем, что узнал от меня и обо мне. До рассвета.

– Слово дона, Морган.

На этот раз соглашаться было просто. Легче легкого. Тем более что после рассвета он уже никому и ничего не расскажет, разве что акулам – о том, что иное слово чести, данное самому себе перед взором Господним, жмет и давит куда сильнее, чем произнесенное вслух.

Пират поднялся из-за стола, отпил целый глоток флорентийского. Из бокала Тоньо. И со странной застывшей улыбкой попросил. Именно попросил, не приказал:

– Дайте мне ваши руки, дон Антонио.

Первой мыслью было: уже рассвет? Но нет, не так быстро. Южные ночи в сентябре долгие. А вторым было удивление. Зачем? Так просят не для того, чтобы упечь в трюм или повесить на рее. Так просят, чтобы... Чтобы – что?

Пока Морган с той же застывшей улыбкой связывал его, Тоньо пытался успокоить бешено застучавшее сердце. Любопытство, опасность, досада, злость – все перемешалось и обещало вот сейчас взорваться, как черный порох. Только искру дай.

«Господи, дай мне искру, сейчас, прошу Тебя!»

Но Господь снова не ответил, а в голове по-прежнему была невыносимая легкость. Проклятие.

– Встаньте.

Тоньо послушался.

Глядя в сторону, Морган рукой с зажатыми в ней четками махнул на постель.

Все же – постель. Кусочек запретного яблока. Трижды проклятие! А такой был дивный дружеский ужин...

* * *

– Морган, меня необязательно связывать, чтобы я лег с тобой. – Тоньо шагнул к нему, поднял связанные запястья, коснулся пальцами его груди. – Ну, посмотри на меня, Морган. Я... я тоже хочу.

Тоньо не врал. Ну, почти. Он в самом деле хотел – чтобы его развязали и дали возможность пусть не отправить «Розу Кардиффа» ко дну, но хотя бы избавить Испанию от наглого и удачливого пирата. А что его собственное тело после боя готово было принять за девицу хоть грот-мачту – не имеет значения.

Пират вздрогнул, поднял на него глаза – темные, шальные и какие-то отчаянные. Закусил губу.

– Пусть так, дон Антонио, – сказал преувеличенно ровно. – Вам ведь не мешают связанные руки.

– Я не в том положении, чтобы спорить, не так ли, мой гостеприимный хозяин?

Пожал плечами и после мгновения бесплодного ожидания улыбнулся, весело и бесшабашно. Морган хочет играть, так хорошо же, игра – это всегда весело. Азарт, интрига! Сразу две интриги: пройдет, наконец, эта проклятая пустота в голове и потеряет ли пират осторожность настолько, чтобы Тоньо мог дотянуться до его шеи. Он крупнее, сильнее, и черта с два ему помешает какая-то там веревка.

Не отпуская взгляда мальчишки, Тоньо улегся на постель, спиной на груды подушек. А Морган все с тем же непонятным выражением лица принялся расплетать косу. Длинную, чуть не до пояса. Затем расстегнул дублет, отбросил на кресло – все так же, не отводя горящих темных глаз.

Туфли.

Чулки.

Быстро, без единого лишнего движения, без капли кокетства.

Невероятно красиво и... возбуждающе?

Проклятие, уж лучше бы грот-мачта...

А Морган все же продал душу дьяволу, человек не может быть таким... таким...

«Пресвятая Дева Мария, молись за меня! Избавь меня от этого наваждения!»

Щиколотки и стопы у Моргана были узкие, маленькие, и кожа нежная. Мальчишка. Не вырос еще, совсем мальчи...

Он не успел додумать, как Морган с так неподходящей ему нерешительной улыбкой сдернул сорочку. И медленно, продолжая улыбаться, уронил на кресло.

А Тоньо без единой связной мысли в голове смотрел на его грудь... То есть – на ее грудь. Маленькие бледные холмики, едва заметные, с темной родинкой на левой, прямо под соском.

В голове билось, как заевшая шарманка: «Морган – девица, девица – Морган... мне не показалось, он в самом деле – она...»

Он... или все же она?... стянул штаны. Подштанники. Да, уже не было никаких сомнений... посмотрела на него чуть смущенно, чуть вызывающе. Пошла... нет, не к постели. К бадье, которую наполнили снова, пока они ужинали. Снова капнула туда масла, скользнула в воду.

Кажется, ей нравилось, что на нее смотрят. И не смотреть было невозможно, казалось, стоит отвести глаза – и она исчезнет. Или он сам проснется. В трюме, рядом с трижды проклятым Родригесом.

Картина завораживала. Вот только что это был капитан Морган, каналья и гроза морей, и вот – девушка, совсем юная, нежная и еще не наученная кокетничать. Да черт же, у него

сейчас штаны лопнут от того, как она моет грудь, едва касаясь бледного соска, и смотрит на него – чуть искоса, чуть исподлобья, и приоткрывает губы...

Она вышла – вышагнула – из бадьи. Сирена, диво морское, почти как на картинах чудака Сандро Филиппеппи, только тоньше, изящнее. И живет. Подошла к постели, повела рукой по завязкам штанов, ослабляя узлы, но не касаясь тела. Присела рядом, опираясь одной рукой о матрас, второй – потянула тесемки его рубашки. Склонила набок голову, посмотрела ему в глаза. Облизнула губы...

– Морган, – тихо позвал Тоньо. – Поцелуй меня.

Она опустила ресницы. Наклонилась, царапнула его губы своими, снова пересохшими, обветренными.

Тоньо потянулся навстречу, снова выдохнул:

– Морган... фата Моргана...

А она положила руку ему на грудь, придерживая. Прохладную, сильную руку с твердыми мозолями... оторвалась от его рта, встала на постели, на колени. Над ним. Наклонила голову – волосы плеснули по его груди. Улыбнулась неуверенно, смущенно и одновременно – почти торжествуя.

Вот так лежать и ждать было почти больно, бедра снова сводило судорогой, и казалось, сердце сейчас выскочит прямо из горла, где гремит, как сумасшедшие андалузские кастаньеты. Тело рвалось ей навстречу, хотелось умолять: «Ну же, скорее, я твой, твой, фата Моргана!..» Но она не торопилась. Закусив губу, дышала, как и он, неровно, гладила его кончиками пальцев – вот тронула татуировку чуть выше локтя, обвела птичий контур, скользнула ладонью по груди, погладила живот. Вскинула на него глаза, показалось: тоже хочет о чем-то попросить... или нет?

– Ну, что ты хочешь, фата Моргана? – не выдержал Тоньо.

Наверное, если бы она сейчас сказала: «Отрекись от Испании, дай присягу мне», – Тоньо бы согласился. Поклялся бы служить ей и... и служил бы. Честно и верно. Пока их обоих не вздернут на одной рее.

Она не сказала. К счастью. Или к несчастью. Вместо этого выдохнула, ломко и тихо:

– Скажи, будешь любить меня?..

– Да. Буду. Морган, да!

Тоньо потянулся к ней связанными руками, коснулся груди – нежной, как сливки. А она, грозный пират Морган, улыбнулась. Почти засияла. Широко раскрыла глаза, подалась чуть назад, направила его рукой и медленно-медленно опустилась.

Вскрикнула шепотом.

Тоньо застонал вместе с ее вскриком – от тесноты, жара... и ни с чем не сравнимого ощущения тонкой преграды, подающейся ему, рвущейся...

Он замер, зажмурившись и вытянувшись струной, чтобы не дернуться вперед и вверх, насаживая ее на себя всю, до донышка, и услышал тихий всхлип, шипение сквозь зубы. Она задвигалась, пока медленно. Почти осторожно. Ее пальцы смяли рубашку, вцепились в ткань.

Поймав ее руку, Тоньо переплел пальцы, и потянул к губам, и целовал, пальчик за пальчиком, пока она двигалась на нем, едва подаваясь навстречу.

Это было – волшебство, опасность, тайна, и так правильно и хорошо, даже эта чертова веревка на его руках была правильной, потому что он – ее, фаты Морганы, покорный пленник и в то же время заботливый господин. И веревка – всего лишь напоминание о том, что она – не добыча, а подарок, что она выбрала его сама.

Она почти не стонала, только дышала неглубоко и рвано и вздрагивала от его поцелуев... Пока не рванула рубашку, запрокинув голову, не прокусила – лишь бы не кричать – губу. Тонкая красная струйка потекла на подбородок, на шею, и Моргана сжалась вокруг него так тесно,

так сладко – что он, забыв обо всем, рванулся вверх, в нее, глубже, и со стоном выплеснулся – не замечая, что почти ломает тонкие пальцы, так и сжатые в его ладонях.

Его заставил опомниться тихий стон, очень похожий на его имя. Разжав руки, он снова поднес ее пальцы к губам, поцеловал. А она – убрала руку и соскользнула, пряча глаза. Села на край постели, снова. Посмотрела исподлобья, склонив голову. Бесшабашная улыбка, тревога в глазах, вся – один сплошной вопрос и вызов. Безумная смесь робкой девственницы и драчливого мальчишки.

Фата Моргана.

Похоже, сегодня дьявол получит еще одну душу.

– Иди ко мне, – позвал Тоньо.

Одному было холодно и неудобно. А она – горячая, нежная... и до рассвета еще не меньше трех часов. Целая жизнь.

Из темных колдовских глаз ушла тревога, будто он ответил на вопрос. И Моргана, чудо морское, легла с ним рядом, оплела руками и ногами, как водорослями. Прижалась. Шепнула что-то невнятное, а может, и не шепнула, может, это волны за бортом шелестели или кричали дельфины и плакали чайки над висящим на рее чучелом пирата Моргана, смешным соломенным чучелом, и капитан Родригес грозился посадить чучело в карцер, потому что оно запачкало палубу флорентийским вином... А Тоньо смеялся вместе с чайками, и ему было хорошо и уютно, и он точно знал, что они никогда не поймают сэра Генри Моргана, потому что его нет и не было никогда, потому что сэр Генри Морган – это фата Моргана, наваждение и обман.

Глава 5, в которой дьявол не желает покупать душу

Он проснулся свежим и бодрым, словно проспал девять часов в собственной постели, в университетском городе Саламанка, и не было ни убийц, ни частного разговора с Великим Инквизитором, ни флотской службы. Словно вчера пираты не потопили «Санта-Маргариту», оставив в живых лишь дюжину человек из всей команды. Словно на руках его нет веревки, а рядом не спит сэр Генри Морган, за голову которого королева Изабелла дает шесть сотен дублонов. Словно он не поклялся перед Господом Иисусом и Девой Марией избавить Испанию от напасти – сегодня же, едва рассветет. Не зря же он дал Моргану слово не пытаться его убить лишь до рассвета. А значит, пора. Вот он, рассвет, – только перед рассветом море звучит так пронзительно-тоскливо и сереет полоска неба над горизонтом.

И вот он, проклятый Морган.

Спит, обняв его тонкими руками, укрыв его своими волосами. Ее дыхание щекошет грудь, и шея такая хрупкая, переломить – что тростинку.

Фата Моргана. Сумасшедшая девочка, от чьего имени уже три года вздрагивают и крепятся купцы и капитаны тридцатипушечных фрегатов.

Вот неразборчиво бормочет по-английски, поворачивает голову, словно нарочно подставляет шею под удар. Бьется на шее жилка, двигаются глаза под веками... что-то беспокоит ее во сне. Или?

– Тоньо, – бормочет она. И успокаивается.

Тоньо.

В ее устах это звучит как лучшая на свете серенада. Нет. Как молитва. Откликается сладко и больно, до мурашек по всему телу, до пронзительной наготы – как перед Господом.

Она продала душу дьяволу? Пусть. Дьявол говорит ее устами? Плевать.

Это дело толстых падре – предавать анафеме или отпускать грехи, а кто он такой, дон Антонио Альварес, чтобы брать на себя дело святых отцов? Продать душу королеве Изабелле за шесть сотен дублонов – слишком дорого, душу можно только подарить.

Она снова зашевелилась, открыла глаза цвета моря – раньше Антонио думал, что ненавидит море. Посмотрела на него сонно и счастливо улыбнулась. Потянулась к нему, под его руки.

– Тоньо...

Обнимать ее связанными руками было чертовски неудобно, но благородных донов не смущают трудности. Особенно когда губы прекрасной донны так близки и сладки.

Целуя ее, расслабленную и доверчивую, ни унции оружейной стали – одна лишь морская пена, Тоньо думал об отце. Герцог Альба будет огорчен смертью сына, но переживет и даже будет гордиться: Антонио погиб в бою, защищая Испанию. Пусть так. Если Моргана возьмет в команду лучшего на обоих океанах канонира, надо будет позаботиться о том, чтобы отец не узнал. Лучше пусть гордится мертвым, чем проклинает и стыдится живого.

Если возьмет.

«Если дьявол купит мою душу».

Прав был Великий Инквизитор, что порвал доносы на донна Антонио Альвареса де Толедо-и-Бомонт. Его душа все еще при нем, несмотря даже на договор с самим Великим Инквизитором.

– Моргана?... – позвал ее Тоньо.

– Марина, – прошептала она в ответ. Провела пальцами по его щеке, по шее. Закусила губу, как вчера, только-только наросшая кожа лопнула, выступила красная капелька... Она мотнула головой. – Нам... нам нужно одеться.

– Марина. Морская, – повторил Тоньо. – Потом. Иди ко мне, Марина-Моргана.

И она подчинилась, легко и радостно. Как будто все время, что «Санта-Мargarита» гонялась за ее бригом, ждала – вот он придет и скажет: «Иди ко мне, Марина».

Они снова занимались любовью. Тоньо впервые с тех пор, как ему исполнилось тринадцать и булочница Пилар отдалась ему на мешках с мукой прямо позади пекарни, называл это так. Без серенад, стихов, ночных прогулок по крышам до балкона, без клятв на вечность, забытых поутру. Просто – они занимались любовью. Тоньо двигался в ней, растворившись, как в море, не думая ни о чем, кроме того, что он – жив. Острое, щемящее чувство – быть живым и заниматься любовью.

Марина... он не знал, как называет это Марина. Кажется, она что-то такое шептала. А может, то море скреблось в борт.

Они даже подремать успели после. Недолго, не больше четверти часа. Проснулись одновременно, Тоньо – от того, что почувствовал рассвет... Именно почувствовал. Повернул голову, наткнулся на пристальный взгляд.

– Вставай, – сказала она. Голос был неправильный, ни следа предрассветной неги. Но и не сталь. Рвущийся канат между кораблями, не иначе.

Тоньо недоуменно потянулся к ней, поцеловать, вернуть недавнее волшебство. То, что было сейчас, – было неправильно, он чувствовал это, как встающее солнце, как неумолимо утекающие секунды.

Она выскользнула из его рук, отстранилась.

Встала, положила на край постели его штаны; сорочка, хоть и развязанная, оставалась на нем, а чулками или дублетом она не озаботилась. И про веревку забыла. Или наоборот, не забыла?

Стала быстро одеваться сама. Как будто надевала маску. Только маска спадала, и даже в мужском наряде она совсем не походила на пирата Моргана.

Сев на кровати, Тоньо позвал:

– Марина, развяжи меня.

Обернувшись, она покачала головой. Молча, без улыбки. Жесткая и непонятная, как египетский сфинкс. Пришлось натягивать штаны так. По крайней мере, это немного отвлекало от непонятной и совершенно неправильной боли где-то за грудиной. Наверное, вчера ударили сильно.

Тем временем она заплела косу, схватила со стены ту самую саблю вместе с ножнами, свои зеленые четки и указала ему на дверь.

Пистолета не взяла. Странно. Вроде же вчера у нее были пистолеты за поясом, а сегодня – только клинок. Просто не привыкла носить пистолеты на своем корабле или догадалась, о чем умолчал Тоньо, и не хочет рисковать? Правильно не хочет. В пистолете есть порох, а порох так легко взрывается по совершенно непонятным причинам, особенно когда этого очень хочет кто-то из рода Альба.

– Идем, – снова явственно треснул корабельный канат.

Осталось от каната всего-то несколько нитей. И последний шанс исполнить данное Господу обещание. «Ну же, благородный дон, ты уже понял – не будешь ты канониром «Розы Кардиффа» и любовником капитана Моргана, а будешь кормить акул. Давай, всего один удар, ты же не хочешь сказать, что какая-то там веревка на руках может тебе помешать убить ее. То есть его, проклятого пирата Моргана. Утащить с собой в ад. Сейчас».

Ну?!

Он бы, наверное, заставил себя ударить, если бы она не оглянулась. Взгляд – последний подарок этой ночи. Восхищенный, но уже не открытый и не беззащитный. Пират Морган вернулся.

– Прости, – тренькнула нить. – Я тоже внимательна к формулировкам, хоть и не обучалась римскому праву. Уже рассвет, а я все еще не хочу умирать. Иди вперед, Тоньо.

– Как скажете, мой гостеприимный хозяин. – Тоньо впервые склонил голову. На миг, но этого хватило. Поражение признано. Он не будет убивать Марину, и пороховой трюм брига «Роза Кардиффа» сегодня не взорвется.

На палубу он вышел впереди капитана. Как положено пленнику – босой, связанный и безоружный. Сощурился на край солнца над горизонтом.

На Моргана он уже не смотрел. Есть ли кто-то на палубе – тоже. Еще не хватало...

Слышал, как Морган бросает своим людям что-то по-английски, усилием воли заставил себя не разобрать. Какая разница, петля или доска? Наверное, все же доска, потому что вскоре его подвели к борту.

Солнце уже сияло вовсю впереди по правому борту. «Идем к Лиссабону, – подумалось равнодушно». – Отец будет гордиться. Надо бы прочитать молитву... Не хочется. Ни слова не помню».

– Посмотрите на меня, дон Антонио, – окликнул Морган совсем рядом. Справа. Словно в насмешку над суевериями.

Тоньо повернул голову. Лица Моргана было почти не видно за радужными пятнами: солнце же. Яркое. Слепит.

Морган приподнялся на цыпочки и набросил Антонио на шею четки. Те самые, приносящие злую удачу, накрепко запомнившие ласку пиратских рук. Положил его ладони на борт... нет, не на борт – на веревку. На... лестницу?

– Вы способны спуститься со связанными руками, дон Антонио?

Солнечные пятна наконец прошли, и Тоньо разглядел внизу шлюпку. Именно к ней опускалась с борта лестница.

Он кивнул. Говорить не хотелось, да и не о чем говорить. Не желать же Моргану удачи. И тем более не спрашивать же, зачем шлюпка. Может быть, это такое нынче модное развлечение – подарить пленнику надежду и дырявую лодку, а потом делать ставки, как далеко он сумеет отплыть, прежде чем затонет.

По крайней мере, если бы дону Родригесу попался в руки пират и лишний ялик, он бы приятно провел время, ведь азартные игры запрещены лишь матросам, а не благородным донам.

– Так спускайтесь, дон Антонио. Спускайтесь. Попутного ветра и свежей воды, – тренькнула последняя нить. Порвался и хлестнул размочаленным концом абордажный канат.

Кинув последний взгляд на Моргана – оружейная сталь блестит, фитили зажжены, – ухватился за лестницу и спустился в лодку.

Поднялась лестница. Шлюпку оттолкнули от борта. Что это, показалось – или слишком быстро растет полоска воды между ним и кораблем? Неужто пираты и не посмотрят, как пойдет на дно благородный граф де ла Вега?

... Не посмотрят. «Роза Кардиффа» распустила паруса, закрипела такелажем на развороте и побежала по волнам прочь. Не к Лиссабону, а в открытый океан.

Тоньо смотрел бригу вслед, пока верхушка грот-мачты не утонула в слепящем мерцании океана. Смотрел – и ждал, без единой мысли в голове, когда же ялик пойдет ко дну. Но он все не тонул. Качался в ласковых ладонях волн, мокрое дерево уже парило на злом южном солнце. Видимо, и морю оказался не нужен благородный испанский дон.

Подумав об этом, Антонио чуть не расхохотался. Смешно же. Смешно – благородный дон, самый красивый мужчина Испании. Лучший канонир двух океанов. Не нужен ни морю, ни дьяволу, ни проклятому пирату Моргану. Может, и расхохотался бы, но в глаза как-то слишком ярко ударило солнце: отразилось от... сабли. Той самой сабли из дамасской стали, которую унес из каюты Морган.

Веревки Тоньо перерезал за несколько секунд. Порезался – сабля была острая, хоть брейся. Внимательно осмотрел шлюпку – с «Санта-Маргариты», как и ожидалось. Заметил,

наконец, весла. Нашел в рундуке на корме одеяла с испанским клеймом и дырами от моли, бочонки с водой и галетами. Разумеется, от галет остался один мышинный помет, а вода протухла. Дон Хосе Мария Родригес не имел обыкновения тратить дублоны на матросов, когда их можно было потратить с куда большей пользой для дона Родригеса.

«Каналья, трибунал по тебе плачет, – привычно подумал Тоньо и тут заметил еще один ящик. Без испанского клейма. – А это что за дьявол?»

Дьявол положил туда смену одежды, включая сапоги и шляпу, сверток с хлебом, ветчиной и красными апельсинами, две фляги со свежей водой – как и обещал, раздери его черти! – и бутылку кальвадоса. А поверх, прижатая компасом, лежала небрежно нарисованная карта: кусочек португальского берега, устье пролива и крестик со стрелочкой к Лиссабону. А под стрелочкой было написано летящим почерком с завитушками, почерком хорошо образованного человека: «За два дня доберетесь. Попутного ветра, дон Антонио!»

И подпись: «Фата Моргана».

Тоньо раз пять перечитал записку, одними губами повторяя: фата Моргана, Моргана, Моргана...

Подумалось, что он должен бы радоваться. Он жив, свободен, правда, без гроша денег, но это сущие мелочи... хотя...

Руки сами потянулись к висящим на шее четкам. Турецким. Приносящим удачу.

Камни заиграли на солнце всеми оттенками зелени: берилл, изумруд, опал, аметист и сапфир, гранат и хризопраз. Турецкий офицер был не иначе как любимой родней эмира. Или любимой его наложницей.

Черт! Тысяча чертей! Проклятый пират отлично пошутил: оплатил ночь любви драгоценной побрякушкой. Не слишком высокая цена за чуть было не отданную душу, чтоб его!.. Ее!.. Проклятие!

Тоньо отбросил четки на дно ялика, нахлобучил шляпу и сел на весла.

До Лиссабона – два дня. До ближайшего владения Альба – неделя, максимум полторы. До следующей встречи с Морганом – быть может, день, быть может, целая жизнь. Не суть. Все равно чертов пират подавится своими четками! Каждым проклятым камешком по отдельности, не будь Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт граф де ла Вега настоящим испанским доном!

Глава 6, в которой сэр Генри Морган дурить изволят

Пока Марина выводила Антонио на палубу и командовала спустить на воду шлюпку с «Санта-Маргариты», старалась ни о чем не думать и не видеть любопытных и масляных рож своих матросов. Разумеется, при капитане они не смели скабрёзно шутить о причинах несусветной милости к пленному красавчику дону, но рожи все равно просили сажи.

Даже Нед, единственный на этом свете человек, которому она доверяла, и тот сегодня ухмылялся слишком доволью. Надо бы, конечно, списать это на радость за нее, но не получалось. Может быть, потому что радости не было, одна хмарь – словно морские черти унесли «Розу Кардиффа» к туманным берегам родного Уэльса да сразу в ноябрь.

Причина хмари торчала посреди палубы, глядя сквозь ванты на встающее за Лиссабоном солнце и не замечая суеты вокруг. Истинно испанский индюк. Марина точно знала: если сейчас ему на шею накинуть петлю, каменное лицо не дрогнет.

Кракены бы его подрали, за каким дьяволом он вообще им попался, этот благородный дон? За каким дьяволом смеялся, пел арию и смотрел на нее так... так... словно...

Нет. Об этом думать нельзя.

Она не может тосковать по улыбкам и поцелуям испанского дона.

Не может – и точка.

Dixi.

– Капитан, все готово, – вырос перед ней старпом.

Единственный его глаз светился любопытством. Хорошо. Значит, даже он не видит, что сейчас Марина льет горькие слезы по несчастлившейся любви и принцу, не желающему ее спасти.

Надо улыбнуться. Как привык Нед, беспечно и шало. У нее все отлично, испанский дон оказался на высоте...

– Спасибо, Нед. Скажи готовиться к развороту. Спустим дона и берем курс на Санта-Крус. – Помедлив два вдоха, она добавила: – Перо, чернила и бумагу. Сейчас же.

Умница Нед гаркнул: «Слушаюсь» – и ушел. Марина смотрела ему вслед – вернее, поверх его головы. Не на солнце же смотреть, южное солнце злое, спит... и не на дона. Не хотелось видеть надменную индюшину рожу, так не похожую на того, кто сегодня перед рассветом звал ее: «Иди ко мне, Марина».

Воспоминание было таким сладким и горячим, что она невольно прикрыла глаза.

И тут кто-то сдавленно хихикнул.

Она резко развернулась на каблуках, уставилась на весельчака в упор:

– Тебе весело, Джо? Может быть, ты хочешь развеселить своего капитана? – с той лаской, от которой собеседников прошибало холодным потом; этому ее научил не Нед, а прошлый владелец «Розы Кардиффа», уже три года как распивающий эль с Дэйви Джонсом.

Опустив глаза и стараясь сделаться поменьше и понезаметнее – что выглядело очень забавно при его росте под шесть футов и морковно-рыжей бородище, – буркнул, что он не смеялся, он поперхнулся, и это, капитан... канат вот, унести надо?..

– Надо. Ты поосторожней, Джо, – так же ласково посоветовала Марина и внимательно присмотрелась к остальным бездельникам. Ну, кто еще?..

Бездельники тут же нашли себе дела и разбежались, недоумевая, что за муха укусила капитана. Остались только Поросенок, принесший бумагу и чернила, и Смолли с рукой в лубке – он подпирал фок и хмуро жевал соломинку.

Надо бы порадовать команду, подумала Марина мельком, обмакивая перо в чернила. Посмотрим, что можно получить с других испанцев.

В несколько штрихов нарисовала карту, миг подумала, черкнуть ли ему пару слов... и вдруг так захотелось прямо поверх карты написать: «Да похитить же меня, дубина!»

Махнуть через борт, распустить парус баркаса, поймать ветер и умчаться к Лиссабону, или к Малаге, или куда угодно, лишь бы вместе с ним, с ее фениксом... Мечты. Зряшные, пустые мечты. И команда не даст умыкнуть своего капитана, и паруса у ялика нет. И дон не захочет. Нужно ему это «вместе», как же. Но, может, хотя бы вспомнит? Когда возьмет саблю – он же сказал, что у них похожи голоса. И вот, вот, он же видел четки у нее в руках, пусть вспомнит, хотя бы иногда!..

Хотя... зачем? Она сделала все, как нужно, а с доном они больше не встретятся. И хорошо, что не встретятся. Он – испанец, она – англичанка. Англия с Испанией еще сто лет будут воевать, и если они встретятся, то врагами.

Не стоит.

И помнить не стоит. Ни ему, ни ей.

Все это – сон в летнюю ночь, наваждение.

Фата Моргана.

Она так и подписалась: «Фата Моргана», отгоняя воспоминание о его шепоте, о восторге в его глазах...

– Нед! Где этот одноглазый кальмар?!

Одноглазый кальмар бесшумно возник рядом.

– Слушаю, капитан.

Она сунула ему карту, не обращая внимания на немой вопрос: «Что с тобой, Марина?» В следующие несколько минут она не обращала внимания ни на что вообще. Дона надо было выпроводить в его Испанию и забыть. О самом доне фениксе и об этой ночи. Просто – забыть. Не обращать внимания на его взгляд поверх, играющие на скулах желваки, не дергаться поймать его, когда чуть не соскользнул с веревочной лестницы...

Пусть.

Она сделала что должно, на все прочее ей плевать.

И она стоит тут, на полуоте, и смотрит в сторону Лиссабона не потому, что он – там. Ей все равно, что он никак не оторвет взгляда от убегающей под всеми парусами «Розы Кардиффа» и что кажется – смотрит прямо ей в глаза... Тоньо?.. «Помни меня. Просто – помни».

Над плечом кашлянул Нед:

– Капитан, там матросы с «Санта-Маргариты» хотят с вами говорить. Привести или сбросить за борт?

– Привести. Всех испанцев, – бросила она, не оборачиваясь.

Вдох. Выдох. Капитану шлея под хвост попала, капитан будет тоску разгонять. То есть дурить. Может, в самом деле удастся отвлечься. Какая досада, однако, что море от горизонта до горизонта пусто. Сейчас бы хоть какой заваливающий фрегат, да хоть фелуку с парой десятков перетрусивших турок.

Слишком жадных и слишком бешеных даже для пиратов.

Проклятие!

Она медленно обернулась, встретила взглядом с Поросенком: малыш вертелся рядом, делая вид, что страшно занят мытьем палубы. Подмигнула ему. Юнга просиял и завозил шваброй по доскам еще активнее. Скоро дырку протрет.

Не прошло и пяти минут, как на свежeweымытую палубу поднялись сначала Нед и Джо, затем капитан «Санта-Маргариты» – дон Хосе Мария Родригес, кажется, – и еще два испанских офицера. Офицеры молчали сами, а капитану уже успели сунуть в пасть какую-то тряпку. Не иначе чтобы не портил прекрасное утро. Офицеров вели Смолли и еще двое. За ними шли семеро матросов с «Маргариты», все перебинтованные, один даже без глаза, но – на ногах и с решительным лицом. Зачинщик, и к гадалке не ходи. И, разумеется, на палубу высыпала

вся команда «Розы», кроме вахтенных. Даже марсовый, и тот свесился из корзины, как гроздь переспевшего винограда. Команда дожевала утренний хлеб и жаждала зрелищ.

А вот Марине так просто разогнать тоску не удалось. Тоска оказалась упрямой, не испугалась вида грязных, смердящих, но по-прежнему спесивых испанцев. Чисто индюки с птичника – ну и что, что перья в помете, зато шея гордая.

Капитану тут же подкатили бочку. Вместо трона.

Рассевшись на ней и держа принесенную заботливым Поросенком фазанью ногу, как скипетр, Марина рассматривала испанцев. Капитан – скандальное дерьмо, офицер – медуза, наверняка ему папочка патент купил, чтобы под ногами не мешался. Зато чиф неплох. Был. Вряд ли за этого служаку дадут приличный выкуп, пойдет работать на плантации. Даже жаль.

«Жаль? Еще чего», – подумалось голосом сэра Генри Моргана.

Марина послала сэра искать сундук Дэйви Джонса, откусила от птичьей ноги, одобрительно глянула на Поросенка и продолжила рассматривать пленников. Матросы были интереснее. Они так и держались тесной кучкой, кто тверже стоял на ногах, поддерживали раненых. Помнится, вчера их было девять, значит, двое или умерли, или не в состоянии подняться. Не суть. А зачинщик глядит прямо, тоже разглядывает единственным уцелевшим глазом. Прямо как Нед, и тоже прирожденный лидер. Даже жаль, что их нельзя взять в команду.

«Не притворяйся, ничего тебе не жаль», – снова прошелестело над ухом с такими привычными интонациями, что захотелось оглянуться, просто чтобы убедиться: никого тут нет.

Заставив себя не думать о прошлом, Марина проглотила последний кусок фазана и сощурилась.

– Слушаю вас, – бросила всей куче испанцев.

Ожидаемо дернулся благородный дон Родригес, бывший капитан «Маргариты».

– Сначала *маринерос*, – не замечая дона в упор, улыбнулась Марина.

Так же ожидаемо выступил вперед лидер предателей. Лет тридцати с небольшим, поджарый, невысокий, морда не то чтоб хитрая, но себе на уме. Этаким проныра из крестьян. Попросился в команду, начал расписывать достоинства *маринерос*.

Марина оборвала его взмахом зажатой в руке фазаньей кости:

– Нет. Мы не берем перебежчиков, какие бы причины ими ни двигали. Предавший раз – предаст и второй. – Она резким жестом отмела все возражения, которые уже готов был высказать проныра. – Я знаю, что вас не спрашивали, хотите ли вы служить короне. Знаю, что служба тяжела, а ваш капитан – каналья, каких свет не видел. Я благодарен вам за «Санта-Маргариту», без вас исход боя мог бы быть другим. Потому вы получите с «Маргариты» ту же долю, что мои матросы: дармовую кормежку, койки до Санта-Круса – и свободу. Кто не хочет в Санта-Крус, может остаться с нами до ближайшего не принадлежащего Испании порта. Быть может, Ямайка, быть может, Стамбул, Дэйви Джонс мне еще не подсказал верного курса.

Единственный глаз Неда засветился от гордости. «Да, одноглазый, ты хорошо меня выучил. Я и сама, без Генри Моргана, отлично справляюсь».

Марина махнула костью: уведите *маринерос*. Уставилась в упор на капитана Хосе Марию Родригеса, гневно вращающего глазами и пытающегося прожевать свой кляп. В конце концов, развлечение еще не закончено, команда – в ожидании, а случись что, и для дона подобающее место найдется.

Не дожидаясь приказа, Нед вытащил изо рта дона кляп и подтолкнул его в спину. Сегодня – вежливо, прямо галантно, так что дон устоял на ногах, а не ткнулся носом в палубу. И тут же заорал вслед бывшим своим матросам, что их, мол, ждет виселица, а то и что похуже. Один из матросов обернулся с явным намерением хорошенько наподдать дону, но его остановил Джо, что-то шепнул на ухо – и матрос, нехорошо ухмыльнувшись, отошел с остальными к борту, смотреть представление.

Марина несколько минут слушала гневные вопли, выделяя в основном историю поражения «Маргариты». Печальную историю спесивого идиота. *Имбесиль* – верно его назвал Тоньо. Не Тоньо.

Дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт, граф де ла Вега и будущий шестой герцог Альба.

– ...Альварес!.. – эхом ее мыслей прозвучало в оре дона Хосе.

– Что вы сказали, благородный дон? – переспросила так ласково, что команда радостно вздохнула в предвкушении.

– Еретик, колдун и предатель, и люди его такие же!

И, видимо, чтоб его лучше поняли, проорал по-английски, а затем на родном испанском, за какие такие заслуги сначала продажный отец инквизитор, а затем и Морган отпустили проклятого графа. Перечень заслуг впечатлял, Марина бы заслушалась, если б не слишком свежие воспоминания...

...вот Тоньо вылезает из бадьи, распевая арию об ужине...

...на смуглой коже, повыше локтя, браслет-феникс расправил крылья обещанием свободы...

...берет ее руки в свои связанные и целует каждый пальчик...

...двигается, резко, в такт бортовой качке, глаза прикрыты, видна только полоска белков...

– ...грязные содомиты! – ворвался в воспоминания хриплый ор дона Родригеса.

Марина вскипела. Сейчас же забить скандальному дону в глотку его же слова!.. Но... Мелькнула паническая мысль: это не я, нет, леди не может желать кому-то смерти!..

– Довольно! – бросила она не только дону Родригесу, но и себе. Или сэру Генри Моргану, снова так некстати воскресшему?

Дон Родригес не внял, попробовал что-то еще вякнуть, но Нед верно понял ее тон и стукнул непонятливого индюка, чтобы тот заткнулся. Чуть перестарался: дон упал на колени и закашлялся. Подавился своим же ядом.

– Поговорим о вас, дон Родригес. Прогулка на моем корабле стоит дорого. – Марина улыбнулась одними губами. Испанский дон будил в ней ненависть пополам с гадливостью, совершенно не подходящие леди. Но она ничего не могла с этим поделать, язык сам произносил нужные слова, глаза сами щурились, и рука сжимала птичью кость, как нож. А может быть, Марина снова ничего не могла поделать с сэром Генри Морганом? – Есть ли вам чем ее оплатить?

Сквозь кашель плохо было понятно, как именно королева Изабелла развесит пиратов по реям, когда явится во главе флота за капитаном Родригесом, если подлые пираты немедленно не высадят его на испанский берег.

– Может, нам еще самим сковаться попарно, дорогой мой дон, дабы облегчить вам доставку на виселицу? – спросил сэр Генри Морган с ледяной издевательской любезностью, так знакомой Марине.

Вот тут она поняла, что она проиграла. Сэр Генри Морган никуда не делся из ее головы, и снова она может лишь смотреть со стороны, как чудовище легко и с удовольствием расправляется с очередной помехой.

Но ведь феникс был настоящим! Все, как обещала ведьма: Альба с фениксом на руке любил ее, она стала его супругой! По-настоящему! Душа брата должна была исчезнуть из ее головы, упокоиться наконец, вернуться на дно морское!.. А вместо того – вот он, усмехается в глаза дону Родригесу, и в голове – его, брата, мысли, его голосом...

Тем временем до дона дошло, что его не воспринимают всерьез. Не настолько, чтобы он от угроз перешел к сумме выкупа. Так что Неду пришлось еще раз стукнуть его по голове. Несильно. Чтобы не вышибить остатки мозгов, и так невеликих. Наверное, дон часто били по

голове. С детства. Сэр Генри Морган даже ему посочувствовал. Слегка. Только чтобы утешить сестренку Марину, вечно такую чувствительную и совершенно неприспособленную к суровой моряцкой доле.

– Значит, платить за вас некому. Много шума, да мало орехов, дон Хосе Мария, – сказал сэр Генри Морган по-испански, чтобы до донна точно дошло. – Но мы милосердны. Да и вы сами подсказали отличный способ оплаты, не так ли, благородный дон? Молчать! – отмахнувшись от открывшего рот для возражений испанца, сэр Генри Морган вскочил на бочку. Кость он бросил на палубу и, с ясной улыбкой оглядев замершую команду, закричал на весь бриг, чтобы и марсовый, и вахтенные услышали и порадовались: – Джентльмены, приветствуйте прекрасную донну Хосефу! Донна идет с нами до испанского берега и будет любить вас всех!

Джентльмены аж замерли на вдохе. Маслено заблестели глаза, там, сям начали расплываться улыбки: капитан всерьез? Не шутит?

– А если донна не желает любить благородных джентльменов, – Морган ухмыльнулся хватаящему ртом воздух бывшему капитану «Санта-Маргариты», – можем прямо сейчас донну проводить по доске. До берега близко, не больше тридцати миль. Ну, что скажете, донна Хосефа?

Испанец с отчаянием посмотрел на капитана Моргана, потом – на сияющие рожи матросов, потом – на волны за бортом. И покорно опустил голову.

Сэр Генри Морган чуть не плюнул от разочарования. Медуза! Страшно медузе пристойно умереть, значит – будет жить. На радость джентльменам.

– Бородатая донна-то, – проворчал невыносимо довольным голосом Нед, наматывая испанскую шевелюру на кулак.

Морган усмехнулся, больше не глядя на медузу. Теперь пусть команда развлекается.

– Так побрейте. Турки говорят, что девица должна быть во всех местах гладкой, как шелк, и они, каналы, правы! И смотрите, мы обещали доставить донну в Испанию живой и здоровой! – Соскочил с бочки и пошел прочь, бросив Неду: – *Маринерос* пока в трюм.

Восторженные вопли команды и визг медузы, осознавшей, на что согласилась, остались за спиной. Невозможность что-то сделать по-своему – тоже. Только поздно, дело сделано.

Чудовище.

Запершись в своей каюте, Марина содрала сапоги и швырнула их в угол вместе с пиратом Морганом. На сей раз он не сопротивлялся – Генри Морган сделал свое дело, Генри Морган может отдохнуть. Чудовище, которое всегда право и всегда делает то, что нужно, без оглядки на всякую чепуху вроде сострадания, милосердия, чести и совести. Марина ненавидела кровавого ублюдка в своей голове, а вместе с ним – чертову судьбу, постоянно заставляющую ее выбирать и постоянно – совсем не то, что хочется.

Она давным-давно поняла, что выбирать приходится всегда: или ты, или тебя. И что она никогда не сможет быть настоящей женщиной, потому что женщина подчиняется всегда и всем, женщина слаба и не имеет права ни на что, кроме покорности и молитвы. Отец был прав – она не создана покоряться ни судьбе, ни мужчине. Но она не создана и быть бешеным чудовищем! Она – леди, ей всего девятнадцать лет... Или уже девятнадцать? Дома, в Уэльсе, она бы считалась старой девой. Если бы вообще осталась жива.

Марина вытянулась на смятой постели, еще пахнувшей немного сандалом, чуть-чуть потом и очень отчетливо – мужчиной. Обняла подушку, все еще примятую. Вдохнула терпкий чужой запах. И – закрыла глаза, вспоминая. Горячие объятия, жадные губы. Обещание в огненных очах. Низкий, бархатный голос: «Да, я буду любить тебя».

Ее счастливая случайность, ее феникс, соврал? Нет. Тоньо в эту ночь по-настоящему любил ее и готов был отдать душу. В этом Марина не могла ошибиться. Или обманула Кассандра? Но ведьма никого и никогда не обманывала, все ее предсказания сбывались. Всегда. Так почему? «Что я сделала не так и почему чудовище вернулось?»

Она потрясла головой и снова уткнулась в подушку.

Завтра, она подумает об этом завтра. А пока... Пока можно немного помечтать о несбыточном. Например, как все могло бы повернуться, если бы...

Глава 7, где капеллан пытается изгнать беса, но не того и не оттуда

Наутро после явления сэра Валентина в замок Торвайн Марина меньше всего думала о кухонных пересудах. Впрочем, она вообще была не особенно способна думать. Ее нежные тринадцать лет и вчерашние волнения сделали свое черное дело, и юную леди одолела лихорадка.

Такая досада с ней приключилась всего второй раз в жизни и впервые за шесть лет, прошедших с того дня, как брата забрало море. Именно брат ей и снился – протягивал руки из бурлящих волн и звал к себе, а Марина никак не могла решиться и нырнуть к нему, хоть и знала, что должна. Почему и зачем – во сне не думалось.

– Проснитесь, леди! – наконец разбудил ее растерянный и взволнованный голосок камеристки, четырнадцатилетней Элюнед.

С трудом разлепив глаза, Марина села на постели и схватилась за спинку кровати. Голова кружилась и болела, будто Марину только что сбросила норовистая лошадь, да прямо головой на твердую землю.

– Будете завтракать? – сочувственно спросила Элюнед, подсовывая Марине под спину подушку. – Ее светлость велели сказать, что ждут вас у себя сразу, как будете готовы.

Под носом у Марины оказалась кружка парного козьего молока и толстый ломоть хлеба с медом: видимо, матушка решила побаловать ее напоследок. Хорошо, что сама не пришла будить дочь, не надо ей видеть, как Марине дурно.

– Буду, – почти ровно ответила она, раскрыла глаза и улыбнулась Элюнед: девчонка еле сдерживала слезы, то ли жалея хозяйку, то ли себя, ведь ей теперь не стать камеристкой самой герцогини. – Что слышно в замке?

За завтраком и утренним туалетом камеристка поведала Марине все важные новости, начиная от качества сапог прибывших с сэром Валентином рыцарей и заканчивая выведенной лично у кухарки самой-самой свежей сплетней: сэры Гвинн и Уриен, а с ними граф Арвель вчера весь вечер беседовали с сэром Валентином и сами вызвались сопровождать юную леди в монастырь. А сейчас сидят в гостиной у ее светлости леди Элейн и ждут. Рассказ прерывался то горестным шмыганьем, то вздохами. В этих вздохах так явственно слышался укор в адрес дивного народа, бросившего свою дочь на произвол какого-то пришлого англичанина, что Марина рассмеялась бы, не будь ей так тоскливо.

Чушь это все, насчет дочери дивного народа. Она – дочь своего отца и похожа не на каких-то там фейри из холмов, а на свою родную бабу, англичанку. Отец не раз показывал ей портрет в медальоне, и сам этот медальон теперь хранился у Марины в шкатулке. В той самой шкатулке, которую матушка тоже не разрешила брать с собой в монастырь. Портрет братика в той шкатулке тоже был. Всего лишь пером на пергаменте, его рисовал один из друзей отца, приехавших к ним в Уэльс. У отца было много друзей, и все они были веселыми, галантными джентльменами, целовали ручки его дочери, а один из них, сэр Кей, даже обещал посвататься к Марине, когда ей исполнится четырнадцать.

Не посватается. Хоть сэр Кей и не умер на плахе, но покинул Острова и уплыл во Францию.

Марина вздохнула, представив на миг, как веселый сэр, усы которого так забавно кололи ей запястье, вот прямо сейчас прискачет в замок Торвайн и потребует отдать ему сговоренную невесту... А потом сэр Валентин скомандует своим стрелкам «бей!» – и веселый сэр Кей упадет с коня в летнюю пыль.

Не быть ей невестой, а потом и покорной счастливой женой. Прав был отец, ее ждет другая доля, вот только совсем не герцогская.

– Где Нед? – прервала она новые сетования Элюнед, едва та зашнуровала ей платье.

– Поутру был в конюшне, а сейчас за дверью, миледи, – не скрывая обиды, ответила та.

Марина поморщилась: слишком уж откровенно Элюнед ее хоронила, даже не дала себе труда сделать вид, что верит в ее возвращение. А ведь только вчера вертелась вокруг, на лету ловила каждый взмах ресниц, любое желание, не позволяя себе ни единого не подходящего идеальной камеристке взгляда, какой уж там обиды на госпожу. Еще одно подтверждение того, что женщин она понимает куда хуже, чем мужчин. Наверное, потому, что ее воспитанием занимался по большей части отец, и фехтованию уделялось куда больше времени, чем вышиванию и искусству сплетен. Следует, наверное, об этом пожалеть – в монастыре фехтование ей ничем не поможет, а сплетни и женские интриги будут единственным оружием. Но жалеть не получалось. Этому отец ее тоже не научил. Видимо, к счастью.

– Нед! – позвала она, взмахом руки позволяя камеристке удалиться.

Рыжий одноглазый пират тут же воздвигся на пороге, пропустив камеристку под мышкой: ему и сам Длинный Педран, лучший герцогский кузнец, был едва выше плеча. Отец иногда шутил, что ему пришлось забрать Неда с эшафота из жалости к палачу: бедняга никак не мог повесить человека, который выше виселицы. Нед на эти шуточки скалил зубы и делал зверское лицо, а маленькая Марина топала ножками и кричала, что никто не смеет повесить ее Неда! А потом лезла ему на руки и требовала поиграть в морского дракона – что значило влезть в рыбный пруд позади замка, сесть Неду на плечи и кататься, распугивая карасей, уток и кухонных девок.

Сегодня Нед не скалился шуточно, но и не тосковал. Сегодня Нед походил на настоящего морского дракона: огромный, злой, опасный и непредсказуемый. В его единственном глазу не отражалось ничего, кроме готовности всех порвать за свою единственную любимую госпожу.

– Вы готовы выйти в открытое море, моя леди? – тихо спросил он, и в этом тихом голосе слышался рокот прибоя и далекие грозовые раскаты.

Марина шагнула к нему.

– Матушка позволила тебе ехать со мной?

– Нет, моя леди. Но это не имеет значения. Моя служба герцогу Торвайн давно закончена, а его супруге я никогда не присягал. Так что здесь нет никого, кто мог бы мне запретить ехать туда, куда я хочу, и с тем, с кем я хочу.

Прижавшись к мощной груди, обтянутой кожаными дублетом и перекрещенными ремнями перевязей, Марина в последний раз зажмурилась и мысленно попрощалась с родными стенами. А затем молча отстранилась и так же молча вышла в раскрытую перед ней Недом дверь.

В покоях матушки стоял сырой, пропахший ладаном полумрак. Леди Элейн задернула шторы и, судя по припухшим глазам и бледным губам, всю ночь молилась. Сейчас же она встала с кресла, церемонно приветствуя дочь. Настоящая леди, всегда – настоящая леди. Терпение, достоинство, смирение, повиновение и молитвы. Наверное, она была бы рада, если бы дочь следовала ее примеру, но всегда с тем же достоинством принимала волю покойного супруга: раз супругу угодно воспитывать из дочери герцога, не ей противоречить или быть недовольной.

На миг Марине захотелось прижаться к матушке, чтобы та обняла, спрятала и от монастыря, и от сэра жабы Валентина. Она даже сделала к ней неуверенный шаг – но мать всего лишь перекрестила дочь и напомнила, что Марине должно слушаться сопровождающих.

Сопровождающие стояли тут же, за матушкиным креслом. Сэры Гвинн и Уриен вместе с графом Арвелем, одетые в дорогу и преисполненные скорбной важности.

Целую секунду Марина всматривалась в их лица, пытаясь понять: они в самом деле повезут ее в монастырь? Те самые люди, что приносили присягу герцогу Джеффри и клялись до последней капли крови защищать и оберегать его дочь?

Да. Повезут.

Честные и прямые взгляды не позволяли усомниться в этом. Мало того, на этих лицах была написана чуть ли не святость, чуть ли не готовность отправиться ко львам в пасть! И наверняка – во благо сюзерена и родной земли. Только сюзерена-то они поменяли не далее как вчера вечером, иначе с чего бы сэру Валентину доверять им сопровождение опасной девицы в дальний монастырь...

Марина сглотнула. Опустила глаза, чтоб не угадали ее мыслей.

– Берегите себя, матушка, и да благословит вас Господь, – сказала подчеркнуто ровно и впервые пожалела, что не родилась мальчиком: мальчика бы в монастырь не отправили! Или что братец Генри утонул, с него б стало выхватить у графа Арвеля из ножен фамильный клинок и тут же заколоть всех предателей, одного за другим...

Из-за спины матушки мрачной угловатой тенью выскользнул отец Клод, осенил Марину крестом и забормотал что-то латинское и благочестивое, больше всего похожее на «Изыди, бесовская сила». Матушкин духовник, даром что священникам невместно верить досужим сплетням и местным суевериям, больше всех в замке верил в нечистое происхождение Марины. А все потому, что был он книжником и звездочетом, и служанки шептались, что в своих покоях варил зелья, делал притирания для матушки и искал философский камень. Сколько в этих речах было правды, Марина не знала. Но, видимо, и впрямь не бывает дыма без огня. Старая Глинис до сих пор вспоминает: в ночь, когда родились двойняшки, отец Клод выбежал из своей комнаты за часовней и кричал про то, как сошлись с Девой Марс и Юпитер и что под окном госпожи проросла ядовитая наперстянка, и требовал принести холодного железа, дабы избавиться от подменыша.

А потом долго и горько плакал. И, говорят, не хотел благословлять герцогскую дочь.

Никто так и не смог его убедить, что негоже священнику во все это верить. Даже герцог Джеффри. Зато на братика капеллан надыхаться не мог, и когда Генри остался в море – смотрел на Марину волком и шипел, что злые фейри позаботились о своем подкидыше, а герцогский род-то прервался!

Ерунду говорил. Если бы фейри заботились о Марине, они б оставили ей братика. Ей иногда казалось, что приходится жить за двоих – и за себя, и за Генри. Вот раньше, пока Генри был с ней, Марина терпеть не могла козье молоко, даже когда братик его пил, отворачивалась. А теперь – каждое утро, и вкусно же, как будто не ей раньше казалось, что козье молоко пахнет лягушкой...

Она склонила голову перед отцом Клодом, буркнула: «Амен» – и постаралась пропустить мимо ушей высокопарные слова, которыми граф Арвель утешал леди Элейн. Чтобы не стошнило.

Так же в точности она пропустила мимо ушей и нечто невнятно-поучительное, сказанное ей матушкой. Все равно истинная леди не обнимет дочь на прощание и тем более не велит своим дворянам послушаться сэра Валентина и отвезти Марину... да хоть куда, лишь бы не в монастырь!

Разумеется, не обняла и не велела, лишь прошептала еще одно благословение и бессильно упала на руки сэру Гвинну. Матушке в самом деле было дурно, иначе бы она не позволила себе такой слабости прилюдно. Но Марину матушкины страдания не утешали. Как, впрочем, не утешила и попытка сэра Уриена завести с ней беседу в дороге и высокопарно объяснить, что все, что делается ими, благородными сэрами, суть с благословения герцога Джеффри и во благо Торвайна.

– Не стоит, сэр Уриен, – оборвала его Марина, уже не в силах быть вежливой. – Я прекрасно все понимаю. Оставьте меня.

Сэр говорил что-то еще, очень горячо и убедительно, но Марина уже опустила шторку в карете, откинулась на спинку сиденья и позволила себе наконец закрыть глаза. Ненадолго. Ровно до тех пор, пока карета не остановилась и в дверцу не постукали эфесом меча.

– Выходите, леди, приехали!

Глава 8, повествующая о черном коте, кружке молока и остывшей бадье

– Выходите, леди, приехали! – раздался снаружи голос сэра Гвинна.

Марина вздрогнула и открыла глаза: за окошком кареты маячил хорошо знакомый сэр и не хуже знакомый городок Таф, расположенный на половине пути до Кардиффа. Она часто бывала здесь с отцом. То есть не совсем здесь – похоже, ее сопровождающие выбрали для ночлега не дом градоначальника, где обычно останавливался герцог Джеффри, а окраину. Домик был совсем небольшой, и двор казался запущенным.

Попытавшись встать с сиденья, Марина вдруг поняла, что проспала весь день и что ей по-прежнему хочется спать. Словно ее опоили. И голова кружится. Неужели в той кружке разбавленного вина, которое подала матушка на прощание, и было сонное зелье?..

Видя, что она никак не выйдет из кареты самостоятельно, сэр Гвинн просунулся внутрь и подал ей руку. Даже не спросил, что с ней такое, – ни к чему, конечно же, он и так прекрасно знал, что.

Приняв его руку и позволив вытянуть себя из кареты, Марина нетвердыми ногами встала на землю. По привычке поискала взглядом Неда, но не нашла. Крохотный двор был совершенно пуст, если не считать сломанной телеги, служащей коновязью и свалкой старых граблей одновременно. Где же Нед и куда подевались сэр Уриен и граф Арвель? А их оруженосцы и слуги?

– Ваш слуга, леди Морвенна, сопровождает графа Арвеля. – Сэр Гвинн был по обыкновению предупредителен и зануден до скрежета зубового. – Не беспокойтесь, они вернутся совсем скоро, не пройдет и часа. А пока извольте пройти в дом, на дворе сыро.

В доме тоже было сыро. И затхло. А встретившая их сморщенная старуха в латаном переднике так радостно улыбалась, что Марину передернуло. К людоедам ее привезли, что ли?

Старуха прошамкала что-то об ужине, празднике и купании, неуклюже присела и повела Марину в глубину дома. По сторонам даже смотреть не хотелось, так все здесь было запущено, пыльно и мрачно. И бедно. Совсем странно для графа Арвеля – останавливаться в таком бедном доме, где наверняка, кроме овсяной каши, и кормить-то гостей нечем.

Словно чтобы напугать Марину еще больше, на верху скрипучей лестницы с подгнившей второй ступенькой – хорошо хоть старуха предупредила на нее не наступать! – ей в ноги ткнулось что-то тяжелое, попыталось свалить ее на пол, дернуло за юбку и басовито заворчало.

Старуха обернулась, подслеповатые глаза умиленно просияли.

– Котик вас признал, леди, это к счастью! – почти внятно сказала она. – Не сердитесь на него, леди, он чует в вас доброе сердце, вот и ластится. Божья тварь.

Божья тварь – весом не меньше двух стоунов и цвета сажи – подняла на Марину круглые янтарные глаза и гнусаво мяукнула. Видимо, надеялась, что хоть у гостей тут найдется что-то вкуснее овсянки.

Неожиданно для себя Марина улыбнулась и расслабилась. Нед тоже говорил, что черный кот – это к счастью, особенно для моряков. Он даже как-то рассказывал, как корабельный кот однажды спас их «Моржа», вовремя разбудив вахтенного.

Так, с улыбкой, Марина и зашла в свою комнату. На удивление опрятную и хорошо проветренную. По крайней мере, от постели пахло не мышами или клопами, а мятой и вереском, и на столе стояла кружка молока, накрытая завернутой в салфетку свежей лепешкой. Ею-то Марина и занялась, едва оставшись в одиночестве: за окном уже синели сумерки, а после целого дня в карете, хоть она и проспала всю дорогу, ужасно хотелось есть.

Буквально через минуту Марина только успела дать коту на ладони намоченный молоком кусочек лепешки, в дверь постучались и внесли кадку. Те самые слуги, которых Марина тщетно

высматривала во дворе: оруженосец сэра Уриена, чернявый парнишка лет четырнадцати, и доверенный слуга сэра Гвинна, усами и чем-то еще неуловимым похожий на майского жука. Устанавливая бадью посреди комнаты, они как-то странно смотрели на Марину, словно видели в первый раз и прикидывали, чего от нее ожидать.

Зато поклонились, совсем как прежде, когда был жив отец, – с не меньшим почтением и осознанием своей зависимости. Жук даже назвал ее госпожой и спросил, не желает ли она чего.

«Нед, где же ты? Объясни мне, что тут происходит?..»

Вместо Неда явился граф Арвель, подпортив и так нерадужное настроение: бадья, хоть и не купальня в родном замке, так и манила теплым парком. А тут... граф Арвель как заговорит, то ведь не замолкнет, пока вода совсем не остынет.

Она ошиблась.

Граф Арвель был на удивление краток, хоть и превзошел самого себя в выпренности речей. И сиял, точь-в-точь как апостольские ложки, когда Глинис начищала их мелом.

Он предложил Марине присесть, а потом преклонил перед ней колено. То есть сперва колено, подагрически покряхтев при этом, потом кольхнулся графский живот, который уж год как не мог спрятать и самый искусный портной, потом склонилась голова, так что стала видна проплешина на графском темени.

Марина чуть не засмеялась – так граф стал похож на Панча! Только трости не хватает! Хорошо, что не засмеялась, потому что смешного тут было меньше, чем перепелок в крестьянской миске.

Граф Арвель сообщал, что сегодня же леди Морвенна Лавиния, законная наследница герцогства Торвайн, станет его супругой. Разумеется, ради блага родного Уэльса и в полном соответствии с волей Божеской и покойного герцога. А затем они отправятся в графский замок, и оттуда пожар святой освободительной борьбы против англичан расползется по всему Уэльсу.

Марина слушала, смотрела то на блестящую графскую лысину, то на пристроившегося к кружке с молоком черного кота и думала: как хорошо, что отец подробно, с примерами, объяснил ей, что такое мятеж, гражданская война и что случается с наивными юнцами, которые верят в святую борьбу за высшую справедливость. Иначе бы она, боже упаси, поверила всем этим красивым словам, место которым – в рыцарских романах, а не в заплесневелом доме на окраине захолустного Тафа. Наверное, она и должна была поверить, восхититься и радостно лечь на алтарь справедливости или повеситься на флагштоке как знамя борьбы. Но почему-то думалось только о том, сколько же граф Арвель ждал своего часа и какие красивые слова лишь вчера говорил сэру Валентину.

Мерзость какая.

Жадная, трусливая, бесчестная мерзость.

Как хорошо, что он слишком увлечен собой и не видит, как ее тошнит. Или списывает на восторг, волнение и предвкушение грядущего счастья.

«Нед! Где же ты, Нед? Забери меня отсюда!..»

Папа обещал, что ты позаботишься обо мне, защитишь, когда его не будет рядом. Папы так давно нет, но ты, Нед, куда ты делся?»

Под ее безмолвный отчаянный вопль граф завершил речь, приняв ее молчание за согласие, разумеется, и еще раз поцеловал ей руку. Поднял на Марину глаза. Круглым благостным лицом он сейчас до ужаса напоминал отца Клода. А улыбался так светло и умиленно – прямо Галахад, отыскавший Грааль, не меньше. Кряхтя, держась за поясницу и опираясь на подлокотник кресла, граф встал на ноги и собрался оставить «свою прекраснейшую во всей Камбрии невесту» наедине с бадьей. Не совсем еще остывшей.

То есть – одну, даже без служанки, которая бы помогла снять платье. Не то что Марина считала ниже своего достоинства раздеться сама, но вот беда: платье благородной леди пошито так, что без помощницы их ни снять, ни надеть. А ни одной дамы в сопровождение ей матушка

не выделила. Или граф Арвель от них отказался из соображений конспирации. Или они просто забыли о таком низменном предмете, как удобство Марины в дороге, слишком занятые своими высокими идеями.

– О милорд, – наконец подала голос Марина, с неудовольствием обнаружив, что охрипла. – Вы же не оставите меня совсем одну? Мое платье, и эта вода...

Граф просиял, словно ему призналась в любви Дева Озера и пообещала все сокровища мира и королевскую корону в придачу. Даже сделал шаг обратно, прежде чем опомнился и сообразил, что, вероятно, леди все же требуется какая-то помощь в каких-то бытовых потребностях. Явно замялся в поиске подходящей для леди служанки или компаньонки, вспомнил про старуху...

Марина тоже про нее вспомнила и тихо ужаснулась: этими скрюченными пальцами только развязывать завязочки и расстегивать крючочки.

– Позовите Неда, милорд. Он принесет мне все необходимое и найдет подходящую девицу мне в услужение. Вы же не откажете мне в личной служанке, милорд?

Чтобы будущий супруг не увидел изъяна в логике и не усомнился в том, что для помощи юной леди лучше всего подходит одноглазый пират, Марина улыбнулась. Наивно, немножко испуганно и умоляюще. Последнее вышло само собой, умолять Марина не собиралась, тем более этого старого жадного предателя. Но главное – на графа подействовало, и он, кланяясь и облизываясь не хуже сожравшего все молоко черного кота, удалился и позвал Неда. Прямо от двери.

Только когда граф Арвель вышел, Марину затрясло. Она и сама не знала, отчего. От ужаса? От ненависти? Или от облегчения?

Она даже зашипела сквозь зубы. Потревожила кота – тот отвернулся от кружки из-под молока и потопал к Марине. Покачивая хвостом, шевеля пышными белыми усами и успокаивающе помуркивая. Боднул головой ее руку, сел, обвив лапы хвостом, и принялся старательно умываться.

Присев рядом, Марина осторожно почесала черные уши.

– Как же тебя звать, божья тварь? – шепнула она, не ожидая ответа.

– Моржом, – послышалось от двери.

Марина вскочила, шагнула навстречу Неду, словно одно его появление могло ее избавить и от замужества, и от монастыря, и от всех прочих напастей. Вот только выглядел Нед вовсе не как герой, готовый ее спасать, а как загнанный в огненный круг волк.

За несколько мгновений, что Нед хмуро ее разглядывал, Марина выпрямилась, сжала губы и отошла к окну. Неду вовсе не обязательно было говорить, что он не нашел способа избавить ее от графа Арвеля с компанией. Это только в рыцарских романах благородный герой в одиночку вызывает Злодея на бой, побеждает в честном поединке и увозит спасенную принцессу под овации слуг и вассалов мертвого Злодея. На самом деле принцессе очень повезет, если благородный герой сумеет выкрасть ее ночью, не перебудив караулы. В противном случае дураку всадят пулю в сердце, едва он раскроет рот для вызова Злодея на бой.

Но... если Нед не может ее отсюда увезти, то что тогда?..

– Я его ненавижу, – пробормотала она под нос.

И тут же поняла – трясло все-таки от ненависти. И от беспомощности. Она даже кулаки стиснула. Не для того ведь отец растил из нее правительницу, чтобы теперь сдать на милость графа Арвеля! Но что же делать? Даже если Нед сумеет ее увезти, граф ведь станет их искать! Не настолько он благородный, чтобы выпустить из рук герцогство. Ребенку понятно: через четверть часа за ними будет погоня. В лучшем случае через полчаса. Скрыться в Уэльсе они не смогут, тут каждая собака знает дочь герцога Торвайн и ее одноглазого пирата – не позже завтрашнего дня их поймают и сдадут либо сэру Валентину, либо графу Арвелю, кто ближе

окажется. И тогда она вернется туда, откуда начала, только Неда к ней больше не подпустят – если он вообще останется жив, – а ее саму будут сторожить в семь глаз.

На этом Марина зашла в тупик. Передернула плечами. Нет, выход должен быть, выход всегда есть!

– Нам нужно добраться до Кале, моя леди. У меня там есть некоторый капитал, и тебя никто не узнает. Купим таверну близ порта или домик. Не пропадем.

– Кале? – Марина улыбнулась одними губами. – Я знаю французский и умею ловить рыбу. И научусь помогать тебе в таверне.

Она смотрела на все такого же хмурого Неда и понимала, что совершенно не хочет знать, как именно они будут избавляться от погони. То есть – не от погони, а от тех, кто за ними может погнаться. Не хочет, но должна. Потому что хочет жить. Не в монастыре, не женой Арвеля. Она хочет жить свободной и самой за себя решать – когда молиться и с кем ложиться в брачную постель.

Если бы она была мужчиной, никто бы не смог ее запереть в монастыре Святой Агнессы или заставить выйти замуж. Если бы она была женщиной, она бы вызвала предателя Арвеля на поединок и убила. Или просто так бы убила, безо всякого поединка.

Вот если бы ее звали Генри Морганом, а не Морвенной Лавинией, все сложилось бы совсем иначе!..

Марина сжала губы, расправила плечи и посмотрела на Неда прямо и твердо.

– Я ненавижу Арвеля, Нед, – сказала она тихо, но твердо. – Я убью его. И Валентина тоже. Потом.

Нед кивнул и с едва заметной улыбкой протянул ей вынутый из-за пояса нож. Крепкий, с узким лезвием и обмотанной пеньковой веревкой рукоятью, годный и для прямого удара, и для метания.

Марина приняла его заледеневшей рукой, взвесила на ладони. Хороший нож, удобный, сбалансированный. Таких ножей у Неда четыре, их ковал Длинный Педран специально для него. Он и для Марины ковал легкий клинок, и ковал бы для брата Генри, если бы брата не забрало море.

Почему-то мысль о брате и море показалась Марине очень верной.

Ну да, конечно.

Девиц не пускают на корабль, если только это не дочери герцога, готовые платить полновесным золотом. И то не каждый капитан решится рискнуть и навлечь на судно неудачу. А мальчишку – пустят. Она умеет вести себя как мальчишка. Умеет драться, ходить на парусной лодке и ориентироваться по звездам.

Значит, на корабль в Кардиффе поднимутся одноглазый пират Нед и никому не известный мальчишка.

– Мне нужна будет мужская одежда, Нед. И ты будешь звать меня Генри Морганом.

Глава 9, в которой Генри Морган наступает на хвост крысе и ввязывается в драку

Они въехали в Кардифф за два часа до заката и направились напрямиком в порт, искать подходящий корабль. Правда, в животах уже бурчало от голода – в последний раз они ели около полудня, и не в таверне, а усевшись на поваленное дерево близ дороги. Благо из сгоревшего дома предусмотрительный Нед взял не только деньги, оружие и коней, но и изрядный запас лепешек, жареного мяса и сыра. Их как раз хватило на те двое суток, что заняла дорога до Кардиффа.

То есть бегство.

От сэра Валентина, от городской стражи, но прежде всего – от воспоминаний...

...падает на пол тело графа Арвеля, только потянувшегося поцеловать новобрачную наедине – и получившего удар ножом в горло;

...они вместе обшаривают труп сэра Уриена в поисках ключей от входной двери;

...Нед пихает в сумку надкусанный окорок со стола, за которым сидят три мертвеца;

...старуха, прижимая к груди кошель с серебром, тщетно зовет за порог черного кота;

...разгорается солома в пустой конюшне, огонь рвется вверх, лижет стены дома – и из чердачного окна с истощным мявом спрыгивает черная тварь, прямо перед лошадьё Марины;

...они несутся прочь из города, а кот по имени Морж мурлычет из сумки, что висит за ее спиной...

В сумке с провизией болталась одинокая лепешка, у Марины от усталости кружилась голова, и чужие штаны не по размеру натирали в самых нежных местах. Хотелось есть, спать и не оглядываться каждые две минуты, проверяя, нет ли уже погони.

Перед ними расстился Кардифф. Двухэтажные деревянные дома, крашенные суриком. Мачты вдали, над крышами. Улица к ратуше – но они свернули в переулок, ведущий к порту.

Надо спешить.

– Поедим здесь, Генри. – Нед указал на обшарпанную вывеску таверны.

У Марины вырвался облегченный вздох. Она уже не представляла себе, как искать судно и говорить с капитаном, когда невозможно думать ни о чем, кроме твердой земли и куска мяса. Или хлеба. Чего-нибудь, только бы живот перестало подводить от голода.

Она неуклюже сползла с седла, едва удержалась, чтобы не потерять отбитое и натертое, и принялась выпутывать из сумки Моржа. Не то чтобы кот упирался, просто после двух суток сумасшедшей скачки руки дрожали так, что завязки было проще оборвать, чем распутать.

Нед целую минуту смотрел, как Марина путается в тесемках, потом подошел, дернул их в разные стороны и вытащил за шкуру присмиревшего и несколько охрипшего Моржа. Сунул Марине в руки.

– Держи и идем.

В таких тавернах, как эта, Марине еще бывать не доводилось. То есть она слышала от Неда, что в портовых забегаловках кладут в суп кошек, а по залу бегают крысы, но не слишком в это верила. Как оказалось, зря. Здесь крыс было в избытке. На хвост одной из них, что-то угрызающей прямо около порога, Марина наступила. Была бы она правильной леди, упала бы в обморок или хотя бы завизжала. Но она промолчала, только постаралась лучше посмотреть под ноги, чтобы не наступить еще на какую-нибудь пакость, прячущуюся в подгнившей соломе, устилающей пол вперемешку с объедками и неопознаваемым мусором.

Наверное, именно потому, что она слишком внимательно смотрела под ноги, а еще, быть может, по причине густого, дымного и воняющего горелой капустой и переваренной рыбой полумрака она не сразу разглядела компанию за дальним, в самом темном углу, столом. Пойми она сразу, кто там сидел, и история повернулась бы совсем иначе.

Но мы не будем гадать, как сложилась бы судьба Марины, зайдя она в тот вечер в соседнюю таверну, а узнаем, как все было на самом деле.

Итак, Марина с Недом расположились в другом темном углу. Это было несложно, потому как в таверне все места были темными, а посетителей, кроме них и компании в дальнем углу, не было вовсе. Нед заказал кислого молока, хлеба и зажаренную целиком курицу, тихонько пояснив Марине, что рагу или отбивную тут брать нельзя, если не хочешь съесть дохлую собаку. Заказ принесли быстро, Марина едва успела сосчитать мужчин, вполголоса разговаривающих о каком-то редком грузе: их была ровно дюжина; и рассмотреть висящие под потолком связки лука: гнилого, чтоб пьяницы его не обрывали на закуску. Кроме лука под потолком болтались ветви рябины, по поверьям, отгоняющие нечисть, и пара пыльных, давно погасших масляных светильников. Видимо, содержатель таверны решил, что трех узеньких окошек, затянутых промасленным пергаментом, для освещения вполне достаточно.

Пока она пила молоко и жевала клеклый хлеб, потому что не решилась попробовать странно зеленоватую и волосатую курицу, прислушивалась к разговору и разглядывала спину одного из компании, в отличие от прочих обтянутую дорогим камзолом и чересчур грузную для слуги или наемника. При виде этой спины ей было как-то не по себе, тем более что из обрывков разговора стало понятно, что редким товаром, за который этот богатей платил золотом, был флорентийский яд. Отец рассказывал, что таким ядом одна вдовствующая королева пропитала страницы книги, затем подарила ее своему сыну-королю, и тот скончался после тяжелой болезни.

Ощущение, что они зря зашли в эту таверну, крепло с каждым мгновением, да и Морж, разделивший с Недом подозрительную курицу, дыбил шерсть на загривке и то и дело косил глазом в сторону заговорщиков.

– Может, пойдем отсюда? – шепнула Марина, дотронувшись до руки Неда.

– Поздно. – Нед взглядом показал на одного из компании, недобро косящегося на них. – Держи нож наготове, сэр Генри, сбежим, как только начнется заварушка.

Она обреченно кивнула, нащупала нож с обмотанной пенькой рукоятью и приготовилась бежать со всей возможной быстротой. Если повезет.

Заварушка не заставила себя ждать. Владелец дорогого камзола положил на стол кошель, забрал шкатулку с покупкой и поднялся. При этом он повернулся, и Марина увидела его лицо. А он – ее. По круглой и благодатной, как у его хозяина, роже расплылась довольная ухмылка.

Замерев, как кролик перед змеей, Марина смотрела в глаза графскому управляющему, мастеру Овайну, и пыталась вспомнить хоть одну молитву. Но в голове было совершенно пусто.

Вот мастер Овайн отодвинул свой стул, сделал шаг к двери – и к Марине. Вот поднялись из-за стола его сопровождающие и те моряки, что доставили груз.

Вот мастер Овайн отошел еще на шаг и бросил своим людям:

– Убить.

Все это происходило так быстро, что Марина едва успела удивиться, чего же они с Недом ждут, когда пора бежать, или драться, или делать хоть что-нибудь... и почему моряки, которых вдвое меньше людей графа, не догадались о засаде, ведь Овайн – известный на весь Уэльс лжец и негодяй...

За столом мгновенно завязалась драка, больше похожая на бойню.

Мастер Овайн сделал еще шаг к Марине, крикнул:

– Этих двоих взять живыми!

Его люди отвлеклись от драки, всего на миг, но этого мига хватило одному из моряков, чтобы пырнуть кого-то из них ножом. А Марине – чтобы бросить нож. В Овайна. И тут же второй – в его подручного, ближнего к ней. Еще два ножа бросил Нед, только Марина не успела

понять, попал или нет. Все смешалось, завертелось, она сама увернулась от летящего в нее клинка, и что-то с гнусавым мявом бросилось в лицо тому, кто тот клинок держал...

А потом все закончилось.

Мастер Овайн лежал на полу, удивленно глядя в потолок, его люди – вповалку по всей таверне, в основном молча, но кто-то еще хрипел. Хрипящего прикончил Нед, деловито вогнав нож в горло, а затем вытерев об его же одежду. Один из моряков сидел на перевернутом стуле, баюкая раненую руку, второй пытался привести в чувство третьего. Четвертый, с проломленным черепом, так и остался на дальнем столе.

Кот сидел на стойке и яростно вылизывал лапы от крови.

А у Марины отчаянно кружилась голова и только что выпитое молоко просилось наружу. Зато обошлось без ран – ее просто не успели достать. Слава Господу, Неда тоже, если не считать свежего синяка на скуле.

– Эй, моряк! – закрыв глаза так и не пришедшему в себя матросу, обернулся к Неду тот самый человек, который передавал мастеру Овайну яд. Видимо, главный в компании. – Спасибо, выручил.

Нед прищурился, рассматривая человека пристально и недоверчиво, хмыкнул и кивнул:

– Второй раз уже выручил, Фитиль.

Несколько мгновений Фитиль разглядывал Неда, затем криво ухмыльнулся и шагнул к нему, протянув руку:

– Живой, Циклоп! А я слышал, тебя повесили.

Нед фыркнул, отер руку о штаны и обменялся с Фитилем рукопожатием.

– Еще чего. Нет такой реи, чтоб меня выдержала. А ты по-прежнему ходишь на «Розе Кардиффа»?

– Пять лет как капитан! – Фитиль не скрывал гордости.

Марина смотрела на встречу двух старых знакомых, как на кукольное представление. Уж очень это было странно и нереально – ухмылки и рукопожатия над свежими трупами. Как будто таверна пуста, а эти двое только что пропустили по кружке эля, а не едва выжили в драке с графскими слугами.

Графские слуги.

Господи.

Надо сейчас же бежать из Кардиффа, сию секунду!!!

Нед!..

Он обернулся, словно услышав ее безмолвный вопль. Улыбнулся во весь рот и помянул к себе. Выглядело это страшно – белые зубы на покрытом засыхающей кровью лице. Особенно страшно было понимать, что для Неда это совершенно нормально и привычно – балагурить над телами тех, кого он только что убил. И для Фитиля – тоже. И, наверное, Марина не годится в моряки, потому что ее сейчас вывернет наизнанку и она будет плакать. Громко, долго, до икоты, пока все это не исчезнет и она не окажется дома, в своей комнате, в своем замке Торвайн, и папа не придет взять ее на руки и утешить...

Только папа не придет и трупы не исчезнут. И слез нет. А есть страх, азарт и злость. И еще благодарность этому страшному человеку по имени Циклоп, потому что ради нее он снова рискует оказаться на рее.

Марина его не подведет.

Подхватив кота под мышку, она подошла к Неду и кивнула капитану Фитилю.

– Это Генри Морган. – Нед похлопал Марину по плечу.

Фитиль критически ее осмотрел, хмыкнул и позвал Неда продолжить разговор на его судне. Здесь слишком плохо пахнет, да и эль дерьмовый. Про раненного в руку матроса он словно забыл. Или не забыл, а видел, как хозяин таверны молча помогает ему перевязать рану, а потом они в три руки волокут ближайшее тело куда-то на кухню.

Наверное, видел.

И, наверное, слышал, как мастер Овайн командовал взять их с Недом живыми.

Впрочем, если Нед считает, что сейчас можно этому Фитилю доверять, то ему виднее. А Марина просто пойдет с ним, хоть на «Розу Кардиффа», хоть на рею. Потому что ей уже, кажется, все равно.

В таверне они задержались только затем, чтобы получить с трактирщика несколько монет за оставленных ему лошадей. Тот дал раз в несколько меньше, чем стоили лошади, но Нед не стал спорить, а лишь подмигнул единственным глазом и посоветовал продавать их подальше от Кардиффа.

«Нам всем лучше сейчас оказаться подальше от Кардиффа», – подумала Марина и спустила Моржа на землю. Он кот умный, сам дойдет до порта, а у нее уже нет сил нести на себе два стоуна.

Морж укоризненно на нее глянул, поднял хвост трубой и принял независимый вид. Но рядом пошел. Капитан Фитиль, бросив на кота взгляд, только хмыкнул:

– Немножко удачи нам не помешает.

– Удачи, говоришь, – пожал плечами Нед. – Ты даже не представляешь, Фитиль, какая удача на тебя сегодня свалилась.

И замолк под заинтересованным взглядом.

Нед молчал ровно до тех пор, пока поднялся на борт брига.

Марина жадно разглядывала судно и команду. Ей доводилось выходить в море и на парусной лодке, и на новеньком трехмачтовом корвете, принадлежавшем Ее Величеству. Но на торговом бриге – никогда. И команда тут была совсем не похожа на английских военных моряков. Отец бы назвал их одним словом: сброд. Что ж, он был бы прав. И теперь Марина с Недом – тоже сброд. Торговцы, контрабандисты, пираты – капитан Фитиль явно не брезговал никаким заработком, а два ряда пушечных портов говорили о том, что и сам бриг не будет легкой добычей ни для кого.

Капитана Фитиля, явившегося на судно в сопровождении всего одного матроса, двух чужаков и черного кота, приветствовали удивленными взглядами, но вслух ни о чем не спрашивали. И когда он велел готовиться к выходу в море с отливом, только поворчали на сухопутных крыс, которые опять не хотят торговать честно, и споро взялись за дело.

– Подай ужин и вина на троих в мою каюту, – велел Фитиль пробегающему мимо парнишке лет так пятнадцати.

Марина с интересом посмотрела юнге вслед: похоже, именно его место она и займет, а парнишка получит вожденное звание матроса. И, похоже, юнгу на этом судне не обижают, вон как он радостно понесся выполнять капитанский приказ. Только вот незадача: как она сможет скрывать свой пол, живя вместе с матросами в кубрике? Ее же разоблачат в первый же день. Оставалось надеяться, что Нед уже что-то придумал.

Он в самом деле придумал. И едва юнга принес ужин и закрыл за собой дверь каюты, взял быка за рога:

– Что ты готов дать, Фитиль, за дитя моря у тебя на борту?

На полмгновения капитан ошеломленно замер, потом глянул на Марину в упор и усмехнулся:

– Безопасность для вас обоих, Циклоп, двойное жалованье юнге, а тебе должность второго помощника. Чифом пока не возьму, мне бунт на корабле не нужен.

– Неплохое предложение, Фитиль. Но это еще не все. – Дождавшись, пока капитан кивнет, Нед продолжил: – Дитя моря – девушка. Ты не будешь спрашивать ее имени и дашь ей отдельное жилье, хоть кладовку.

Капитан снова кивнул и оглядел Марину с еще большим интересом.

– Идет. Кладовка найдется, и юнга по имени Генри меня устраивает. А с чего это...

– ...дитенка фейри понесло в море? – продолжил за него Нед. – Да с того же, с чего рыба на сушедохнет. Смотри, какая бледная. Худо ей на берегу.

Ухмылка капитана ясно говорила, что он прекрасно понимает – кому хочешь станет худо, если попадешься на глаза графу Арвелю с прихвостнями. А уж если еще и убить парочку из них, недомогание станет смертельно опасным.

– И не спрашивай юнгу о прошлом, кэп, если хочешь настоящей удачи. Юнга-то ответит, но ты удачу потеряешь.

Фитиль махнул рукой:

– Кракен с тобой, Циклоп, сиди на своих тайнах. Давай уже выпьем, а потом представлю вас команде. И чтобы без твоих моржовых штучек, «Роза Кардиффа» – судно мирное, а я – купец и чту закон. Усвоил?

– Разумеется, кэп! – ухмыльнулся Нед и взялся наконец за кружку с вином.

А Марина облегченно привалилась к его руке и почти поверила, что все неприятности позади, а впереди их ждет долгая счастливая жизнь... небольшой сундучок, спрятанный в портовой таверне... на необитаемом острове... с толстой черной крысой внутри... она мурлычет и приносит удачу...

Под мурлыканье черного кота по имени Морж она и уснула, крепко и сладко, как положено спать девочке тринадцати лет.

Часть вторая. Санта Исабель де Ла Буэна Фортуна

Глава 10, которая начинается серенадой и продолжается в Гвадалквивире

Кто сказал, что гитара – не ударный инструмент, тот никогда не был в Севилье томным поздним вечером.

Дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт граф де ла Вега – то есть Тоньо – точно знал, что настоящая испанская гитара прекрасно дополняет шпагу, если взять шпагу в левую руку, а гитару в правую. Деморализованный и растерянный противник в таком случае наверняка или сбежит в ужасе от такого некуртуазного обращения с музыкальным инструментом, или на худой конец допустит хоть одну фатальную ошибку. Больше не нужно. Сабля по имени Марина отлично сочетается с гитарой, когда благородный дон идет под балкон благородной донны петь серенаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.